

Охотники на мутантов

Автор:

Лев Жаков

Охотники на мутантов

Лев Жаков

Андрей Левицкий

Апокалипсис-СТХимик и Пригоршня #3

Могильник – дикие непроходимые земли, из глубин которых поднимается аномальная энергия старых захоронений. Это самый странный и опасный район Зоны. Здесь водятся существа, которых нет больше нигде, здесь происходят вещи, способные напугать даже бывалого сталкера.

В центре Могильника находится Крепость, таинственный объект, из-за которого столкнулись интересы двух сильнейших группировок Зоны. «Долг» пытается как можно быстрее доставить туда ценный груз, а «Свобода» хочет во что бы то ни стало помешать этому. «Долг» нанимает Лесника – лучшего охотника на мутантов, «Свобода» обращается за помощью к Цыгану – опасному наемнику-убийце.

Теперь эти двое стремятся уничтожить друг друга. А Могильник стремится уничтожить их.

Смертельное противостояние началось!

Андрей Левицкий, Лев Жаков

Охотники на мутантов

Авторы благодарят Алексея Калмыкова за ценные советы

Но нет Востока, и Запада нет,

Что – племя, родина, род,

Если сильный с сильным лицом к лицу

У края земли встает?

Редьярд Киплинг

Глава 1

Охотники

1

Лесник согласовывал картечь. Осторожно укладывал картечины в гильзу ровными столбиками и просовывал между ними спички, для верности пересыпая крахмалом. Хороший крахмал, вчера Лесник варил на нем кисель из черники.

Методично собирая патрон за патроном, сталкер прислушивался. В вечернем лесу было тихо. Высоко над привадой – привязанной к суку тушей молодого лося – каркала ворона. Туша лежала на покатом настиле в нижней части склона, от нее к дереву тянулась провисшая веревка, внизу была яма. Солнце зашло, тени деревьев поблекли. Сумерки сгущались. Скоро псевдопсы выйдут на охоту.

Шалаш из еловых веток, засидка Лесника, стоял в стороне от «волчьей катушки», из укрытия хорошо просматривались крутой склон и приманка. Туша

ощутимо пахивала, но сталкера это не смущало. Он вставил в стволы два патрона, остальные разложил на полочке перед собой. Все было готово для удачной охоты.

Засаду Лесник устроил возле рубежа, который вычислил, рискуя собственной шкурой. Дальше жила большая стая мутантов, но все, кроме самых крупных, побоятся перейти границу территории. Сколько их окажется, таких смелых или голодных? Найдя свободное от аномалий место, он вырыл яму с расчетом на пару-тройку тварей, прямо под склоном. Закончив, поставил вдоль земляных стенок плотный частокол. Сучки на кольях торчали вниз, чтобы помешать зверю выбраться из ямы. Конечно, мутант не волк, что ему какие-то сучки? Но для этого и сидит здесь Лесник с верной двустволкой.

Наклонный настил тщательно натерт салом, на нем лежала привязанная туша, дно ямы утыкано колючками. Учувший лося зверь ползет вниз с крутого склона и скатится по настилу. Всё вроде бы в порядке, и даже ветер благоприятствует, однако что-то беспокоило сталкера. В Зоне нельзя предусмотреть всего, охота – дело опасное, но за шкуры редких пятнистых псевдопсов с рыжими полосами на хвостах очень хорошо платят.

А деньги нужны. Лесник кончиками пальцев дотронулся до правой стороны груди. Уже больно держать двустволку у плеча, выцеливая...

Быстро темнело. В укрытии сильно и пряно пахло хвоей, палой листвой и влажной землей, под коленями шуршал мох. Лесник пригладил всклокоченную темную бороду с нитями седины, задумчиво покачал стволом старой двустволки... И тут вдалеке раздался вой – стая перекликалась перед охотой.

Он встал на одно колено, просунув ружье в щель между колкими ветками, замер, глядя вдоль стволов. Так неподвижно он мог просидеть несколько часов, дожидаясь дичь.

Стая приближалась. Она уходила то влево, то вправо, но наконец вой и лай слились в голодный гомон, который быстро усиливался: псевдопсы учуяли приманку и мчались прямо на Лесника. Он навел ружье на вершину холма, палец на спусковом крючке напрягся. Металл под кожей уже согрелся, Лесник ощущал его приятное тепло.

Захрустели ветки, дернулась молодая елочка, и звери показались между деревьями.

Сердце заколотилось в груди, застучало резко и зло. Каким бы опытным охотником ты ни был, при виде добычи в кровь выбрасывается адреналин. Сталкер бесшумно втянул ноздрями холодный вечерний воздух.

Холм был границей. Первый, самый крупный мутант резко остановился у склона, лапы взрыли землю. Из оскаленной пасти свисали веревки слюны, глазки горели голодом и яростью. Аромат лежалого мяса бил в нос, туша совсем близко – но вне территории стаи!

«Давай же! – мысленно произнес Лесник. – Прыгни! Возьми его!»

Лопатка зверя была в прицеле, но сталкер не хотел спугнуть стаю.

Рядом с первым псевдопсом остановился второй, третий... Мутанты заматались и завывали от бессилия.

Тут какой-то из молодых, не сумев остановиться, скатился с холма. Когти проскребли по земле, зверь щелкнул зубами, пытаясь ухватить добычу, но поймал лишь воздух – и с растерянным воплем бухнулся с настила в яму.

Лесник моргнул. Этот желторотый всё испортил!

Стая недоуменно топталась на месте, слушая обиженный визг, несущийся из ловушки. Испугались, леший их задери! Теперь не сунутся к приваде. Сталкер хорошо видел мутантов, они крутились между деревьями на вершине холма. Их манил запах падали, однако выйти за свою территорию не позволял инстинкт, а тут еще и собрат, провалившийся непонятно куда...

Он подождал минуту, другую и понял, что охота сорвалась. Из-за какого-то тупого волчонка! Лесник тяжело поднялся, упершись макушкой в лапник, и тут один из мутантов прыгнул.

Похоже, это был вожак. У псевдопсов сохранилось что-то от волчьих повадок – падали они начинали жрать с брюха, на этом и зиждился принцип ловушки под

названием «волчья катушка». Под холмом вырывали глубокую яму, на крутом склоне подвешивали тушу. Зверь перемахивал приваду, чтобы накинуться на еду с брюха, и катился в яму по скользкому, натертому салом настилу.

Лесник ощерился, увидев в щель между еловыми ветками, как мутант упал.

Но за вожаком посыпались еще несколько.

Стая небольшая, однако и ее должно хватить, чтобы заполнить яму и придавить первого зверя – крупного и очень дорогого. Сталкер выскочил из шалаша, вскинув двустволку к плечу. Вниз, суча лапами, полетел молодой псевдопес, за ним съезжала по настилу, царапая землю и воя, большая лобастая самка. Навстречу лился скулеж двух попавших в западню мутантов.

Почти не целясь, Лесник выстрелил из одного ствола и сразу же из другого – пара псевдопсов свалилась на вершине. Молодой и самка шлепнулись в ловушку. Выругавшись, сталкер быстро перезарядил ружье и оба заряда картечи, которую так долго укладывал, всадил в грудь матерого зверя. Тот прижался к земле, готовясь прыгнуть, железная шерсть на холке встала дыбом... Он так и не прыгнул, упал на бок.

Стая заметалась. Какой-то недомерок, скуля, лег брюхом на траву и поехал к туше лося головой вниз, осторожно перебирая лапами. Склон был крутым, мутант почти сразу задергался, попытался отползти обратно, но не смог и покатился с холма. Лесник вновь зарядил двустволку, поднял к плечу. Это последний – в ловушке, не считая молодняка, окажутся три крупных зверя, за которых можно получить достаточно, чтобы... Сталкер прижался щекой к прикладу, вдавил один спусковой крючок.

И тут его скрутило. Боль полыхнула огнем, прожгла грудь. Он был здоровый мужик, хоть и в возрасте, с мощными покатыми плечами борца, жилистой шеей, широкой грудью – и все же его свернуло в узел. Громыкнуло, выстрел ушел в воздух. Руку свело судорогой, палец на крючке вывернуло падающим ружьем, и Лесник боком повалился в мох.

Недомерок упал в яму, оттуда донесся обиженный скулеж. Сочный удар лапой, короткий, почти человеческий вскрик – и на краю ямы зашуршало. Лесник с усилием поднял голову, окинул ловушку мутным взглядом. Первый приступ

прошел, боль ослабла, и сталкер ощутил, как влажная от росы трава щекочет шею. Почти стемнело, в сумерках он увидел перед собой черный силуэт в рыжих пятнах.

Здоровый, чересчур крупный даже для вожака мутант выбрался по телам сородичей и припал к земле, готовый к прыжку. Сталкер скосил глаза. Двустволка лежала всего в метре, но, чтобы ее достать, надо пошевелиться – и спровоцировать псевдопса. А если лежать неподвижно, зверь, возможно, не станет нападать. Все-таки теперь он на чужой территории...

Вожак зарычал. Лесник скорее почувствовал, чем увидел, как напряглись его лапы, как под пятнистой шкурой перетекли мышцы... Он прыгнул.

Сталкер откатился, подхватил ружье и вскочил на колени, прицеливаясь. Потерявший жертву зверь проехался по земле, оставляя глубокие борозды. Огромная башка повернулась, раскрылась пасть. Клыки блеснули в свете встающей луны. Без единого звука мутант развернулся и кинулся на человека.

Лесник выстрелил.

Взрыв, псевдопес упал в трех шагах от него и сразу поднялся. Лесник перехватил ружье за приклад, выпрямился, заноса, как дубинку. Из шеи псевдопса текла кровь. Зубы щелкнули у горла человека, вонь из пасти ударила в ноздри. Лесник едва успел отступить и в широком замахе обрушил приклад на мохнатую башку. Мутант упал, дергая лапами.

Лесник шагнул к раскидистой ели, прислонился спиной к стволу, несколько раз вдохнул и выдохнул, морщась от боли в груди. Быстро зарядил ружье. В патронташе на поясе оставалось шесть патронов с согласованной картечью и десяток обычных.

Сталкер выстрелил в голову пытающегося подняться псевдопса, и тот затих. Стая на холме, во время боя трусливо повизгивавшая, завывала.

– Так вас, – сказал Лесник, повернулся к издохшему вожаку спиной и побрел в сторону ловушки. В яме скулили, обдирая бока, пойманные звери, два молодых и большая сука. За пятнистую самку дадут как за вожака – ведь она немногим меньше его, наверное, подруга, – а за недомерков по...

Усилившийся вой заставил Лесника насторожиться, и он повернулся, вслушиваясь. Проклятье! Слишком долго провозился с псевдопсами на нейтральной территории – стоя с соседнего участка, услышав шум, бежит сюда. Мутанты близко, будут здесь через пару минут.

Он огляделся. Лунный свет озарял лес, по сероватой траве протянулись длинные тени деревьев. Похолодало, из ноздрей вылетали струйки пара. Пахло палой листвой и собачьей шерстью.

Стая на холме оживилась, залаяла в несколько глоток. Сколько их там осталось? Лесник даже не пытался разобрать в темноте. Скорым шагом он вернулся в рощицу, где стоял шалаш и валялся убитый вожак. Засидка – укрытие ненадежное, озлобленное зверье снесет ее и не заметит, а человека внутри растопчет, порвет в куски. Поэтому возле шалаша Лесник даже не остановился, сразу пошел к высокой развесистой ели, закинув ружье на плечо.

Ветви гнулись и трещали, но залез он быстро, уже через минуту устроился в развилке метрах в двух над землей. Забираться выше не стал, чтобы удобней было отстреливать мутантов.

Хотя Лесник ждал их, хозяйничавшие на этом участке псевдопсы все равно появились неожиданно. Вынырнув из кустов на освещенную луной поляну, они окружили труп зверя. Двое молодых, урча, накинута на теплое еще тело. Вторая стая, оставшаяся без вожака, крутилась на холме.

Эти звери были обычные, не пятнистые. Серые шкуры и хвосты стоят копейки – нет смысла морочиться. Самый крупный мутант куснул одного из желторотых, тот взвыл, пятнистые на холме ответили нестройным хором. Приманку они больше не пытались достать, однако ее учуяли хозяева участка. Вожак подал сигнал, молодые бросили мертвого собрата, и мутанты повернули морды к туше лося.

– Только не надо падать в ловушку! – прорычал Лесник, вскинул ружье и выстрелил дважды. Самый крупный мутант повалился в лужу лунного света.

Обе стаи взвыли. Раненый зверь подобрал задние лапы, пытаясь встать, но упал мордой в траву. Лесник прижал приклад к плечу, выцеливая следующую жертву.

Звери на холме бесновались, рыча, сновали вдоль невидимой границы участка.

И тут начался второй приступ.

Сталкер прижался к стволу, едко пахнущему смолой, левой рукой перехватил выпавшее ружье. Правую свело судорогой, пальцы скрючило в кулак, ногти впились в кожу. По запястью потекла кровь. Кое-как накинув ремень на плечо, он обхватил ствол здоровой рукой и ногами. Голова кружилась, грудь разъедало, будто кислотой, кровь пульсировала в висках. В глазах потемнело. Серые учуяли его и теперь сновали внизу, подпрыгивали. Зубы щелкали у самых ботинок.

Псевдопсы на холме не выдержали – сначала один, потом другой съехали по склону, следом рванулись оставшиеся шесть или семь. Не успел Лесник испугаться за ловушку, как первый зверь вспрыгнул на тушу лося, оттолкнулся – и в длинном прыжке перемахнул через яму. Его примеру, один за другим, последовали остальные.

Псевдопсы яростно атакуют любого, кто вторгается на их территорию, но редко забредают на участки друг друга, весь их гнев обычно достается сталкерам – поэтому, наверное, до сих пор стаи мешкали. Теперь же инстинкт возобладал, и звери бросились на чужаков.

Хозяева участка, вздыбив серую шерсть и оскалившись, ринулись в бой. Лесник застыл в неудобной позе. Под ним псевдопсы рвали друг другу глотки, катались по земле, разбрасывая листья, рычали и выли. Привалившись к шершавому стволу, он баюкал сведенную судорогой кисть правой руки. Боль медленно отступала. Кажется, приступы становятся чаще. Болезнь сведет его в могилу раньше, чем он накопит нужную для операции сумму...

Когда Лесник вцепился в толстую ветвь, ладонь стала липкой от пахучей смолы. После второго приступа его всегда охватывала слабость, теперь он мог свалиться раньше, чем твари перегрызут друг друга. И неизвестно, что хуже – свернуть себе шею или оказаться в гуще разъяренных мутантов.

Судорога наконец прошла, хотя дрожащие пальцы все еще не сгибались. Преодолевая боль, Лесник намотал ремень ружья на правую кисть, кое-как перезарядил, опустил стволы и выстрелил, не целясь. Взгляд застлала мутная пелена, но промахнуться по мешанине тел внизу было сложно. Громкий визг был

ему ответом – сталкер попал.

Он перевел дух, уселся поудобнее. Накатила слабость, но Лесник пока мог держаться. Трясущимися руками перезарядил ружье и выстрелил, потом еще раз. Луна ярко освещала поляну, и, когда пелена перед глазами рассеялась, сталкер стал целиться тщательнее. Согласованная картечь, дававшая лучшую кучность боя, закончилась, остались только обычные заряды.

Звери убивали друг друга, а он сидел, обхватив ствол ногами, медленно заряжал двустволку и стрелял. Подул ветер, сверху прилетела шишка, пронеслась у лица, царапнув щеку. Лесник качнулся на ветке, едва не выпустив ружье. Очередной патрон вывернулся из дрожащих пальцев и улетел вслед за шишкой.

Замертво упал последний псевдопес из пятнистой стаи. Драка закончилась, и хозяева территории замерли вокруг дерева, подняв морды.

Лесник полез за следующим патроном. Шансы остаться в живых были минимальные – звери растерзают его, он не может перестрелять всех. Он пробежался пальцами по патронташу. Пять зарядов. А зверья? Раз, два... восемь мутантов. Правда, большая часть – молодежь, но вот ближе всех к ели трое матерых самцов, которые и допрыгнуть могут...

Не тратя больше времени на раздумья, Лесник поднял ружье и тщательно прицелился. Обычной картечью такого мутанта не уложить. Хорошо, если с двух выстрелов получится.

Он спустил оба курка. Лесника качнуло, ветка под ним треснула. Здоровенный псевдопес под елью прыгнул – и молча рухнул на землю. Готов. Он выцелил и убил второго. Остался последний патрон...

Мутанты прыгали, громко воя. Сталкер подобрал ноги, нашел самого молодого и выстрелил. Зверь повалился, скуля, дергая лапами. Лесник надеялся, что перебил ему позвоночник, и желторотый не опасен, не кинется сразу, как только он спустится на землю.

Ветка трещала, перелезть на другую не было смысла – он не сможет просидеть здесь всю ночь, а звери запросто прокараулят до утра. Их осталось четыре, все – самцы. Теперь надеяться можно только на силу рук и ловкость. Хотя слабость до

сих пор не прошла...

Лесник с силой швырнул ружье в ближайшего псевдопса и сполз на землю. В глазах потемнело. Замычав сквозь зубы, он прислонился к стволу. На него прыгнули сразу двое, сталкер выбросил перед собой руку с ножом и по рукоять вонзил лезвие в шею одного, при этом уклонившись от зубов другого.

Усилие оказалось слишком большим – он повалился на бок. Зубы щелкнули там, где только что было человеческое горло, и мутант врезался мордой в ствол. Съехав по нему, откатился и заскулил, мотая башкой.

А сталкер очутился лицом к лицу с последним членом стаи.

Нет, не последним – с другой стороны, зарывав, встал еще один, с морды его текла кровь. Лесник зашарил у пояса, не находя второго ножа. Где же он... нигде нет, но вон буквально в шаге лежит ружье...

Два мутанта прыгнули одновременно. Сталкер перекатился на бок, протянул руку. Звери столкнулись над ним и упали, сцепившись. По телу заерзали лапы, раздирая когтями куртку из грубой кожи.

Сцепив зубы, Лесник поднял ружье и ударил, не глядя. Приклад врезался в хребет, тот хрустнул, мощный тяжелый самец обмяк на сталкере, придавив к земле.

Второй псевдопес зарычал, Лесник спихнул с себя труп и сел с двустволкой в руках. Прямо перед ним была разинутая темная пасть. Взбешенный зверь прыгнул...

Потом Лесник не мог объяснить, как и почему он это сделал. Все получилось само собой. Вороненые стволы старой двустволки глубоко вошли в глотку. Удивленные глаза, тяжелый хрип... Зверь повалился на бок, сталкер привстал, налегая, пригвоздил его к земле. Самец захрипел, пытаясь вывернуться, но Лесник нажал так, что в ушах загудело и перед глазами поползли круги. Что-то чавкнуло в горле мутанта, порвалось, хрустнуло... Он забился – и испустил дух.

Лесник поднялся, упираясь ногой в труп, вытащил двустволку, нашел нож и пошел добывать раненых псевдопсов. Только удостоверившись, что все мертвы, он позволил себе сесть возле ели, прислониться к стволу – и ненадолго потерять сознание.

* * *

Курильщик стоял за стойкой с сигарой во рту. Он видел через окно, как подъехал джип «Долга»; потом в зал зашли двое, а еще четверо сразу поднялись наверх. Хозяин «Берлоги» не очень любил долговцев. Они уничтожали мутантов и не сбывали через него, Курильщика, артефакты, а в его заведение, скрытое в отвесном берегу давно пересохшей речки, заходили очень редко. Короче, с «Долга» прибыли никакой, поэтому он неприязненно поглядывал на этих двоих. Остальные заняли угловую комнату, даже не поздоровавшись со скупщиком, их туда провела одна из его девчонок. И теперь Курильщик, покусывая кончик сигары, почти всерьез размышлял, а не достать ли из-под стойки верный «МП-5» и не выпроводить ли непрошенных гостей?

Хотя и понимал, что не сделает этого. Ссориться с «Долгом» – себе дороже.

От столика вернулась, вихляя бедрами, Краля. Поджав ярко накрашенные губы, обиженно сказала:

– Ничего не заказали. Только просили подойти вас.

– Что им надо? – хозяин покосился на столик долговцев.

– А я знаю? – Краля уселась на высокий круглый табурет, закинув ногу на ногу, раскурила тонкую сигарету. Выпустила дым и презрительно фыркнула: – Джеймсбонды! Разговор до вас есть, сказали, а больше ничего.

– Ладно, позови Окуня. – Скупщик пожевал сигару, вытащил изо рта и неторопливо направился к гостям, которые с ожиданием поглядывали в его сторону.

Один из них, лет тридцати, бритый наголо, был наглухо затянут в офицерский китель. И есть же у некоторых желание таскать в Зоне военную форму! Второй,

с молодым прохиндейским лицом и легкой сединой в волосах, поверх форменных брюк носил обычную сталкерскую куртку. Из нагрудного кармана торчала чашечка трубки.

Курильщик остановился возле столика.

– Слушаю?

– Да вы присаживайтесь. – Седой похлопал по скамье рядом, но хозяин решил не садиться, пока не выяснит, в чем дело.

Второй покосился на Курильщика, лицо его было неподвижно. Седой, похоже, имел звание пониже – прежде чем заговорить, он вопросительно глянул на бритого. Тот сидел ровно, будто палку проглотил. Военная выправка, неодобрительно отметил про себя скупщик. Когда Бритый едва заметно кивнул, Седой, наклонившись к хозяину, заговорил:

– Человек, хорошо знающий всякие тропы. Умеющий молчать и соблюдать тайну. Такой, который смог бы доставить кое-что кое-куда...

Бритый предупреждающе кашлянул. Второй заткнулся, полез пальцами в волосы на затылке, взъерошил, потом пригладил.

– Вот я и говорю, – продолжил он, – нужен человек...

Это знакомое дело – когда ищут подходящего сталкера для какого-то задания. В Зоне подобное происходит сплошь и рядом. Курильщик, кивнув сам себе, придвинул стул от соседнего столика и сел верхом, упершись выпуклым пузом в спинку.

– Лесник, – произнес он, оглянувшись для порядка, не слышит ли кто.

– Дядя, ты понимай задание шире. Необязательно лесник, можно просто бывалого сталкера, который знает тропы, чтобы незаметно пробраться... – заторопился Седой.

Бритый, повернув к Курильщику голову, переспросил:

– Лесник?

Второй сразу заткнулся. Курильщик с неодобрением посмотрел на него и покачал головой.

– Сколько? – спросил Бритый.

– Много, – ответил Курильщик, перекаывая сигару во рту. – Я не негр с плантации, чтоб бесплатно...

– Да мы уже видим, – перебил Седой. Он достал из кармана трубочку, постучал об стол, выбивая остатки пепла, и сунул обратно. – Больше смахиваешь на Скупого Рыцаря...

Курильщик, который Пушкина не читал даже в школе, проигнорировал замечание и просто показал три пальца. Седой посмотрел на старшего. Тот кивнул. Тогда долговец вытащил из кармана жиденькую пачку банкнот, отсчитал три сотенные бумажки и протянул хозяину. Тот помял купюры, понюхал, посмотрел на свет и спрятал во внутренний карман. С паршивой овцы хоть шерсти клок, подумал он. Раз пива не взяли...

Седой спросил:

– Так где найти твоего Лесника?

– А он ко мне должен сегодня зайти, – ответил Курильщик. – У нас с ним дела... Короче, будет в баре ближе к обеду. Сразу и поговорите. Он весь юг Зоны, считай, истоптал. Все тропы тайные знает, там пройдет, где... – Курильщик задумался и неловко заключил: – Короче, где никто не пройдет. Только вы того... Не говорите ему, что это я вас на него навел.

– Что, этот твой, как его, страшен, как будто лесное чудище? Боишься? – усмехнулся Седой, откидываясь на спинку стула.

– Нет, но... – Курильщик пожал плечами. – Лесник – мужик без чувства юмора, суровый, не хочу портить с ним отношения. Тем более, терять ему нечего.

* * *

Когда пришел Лесник, было уже за полдень.

– Воды, – хрипло произнес он с порога, вытаскивая из нагрудного кармана упаковку обезболивающего.

Долговцы повернулись к дверям. Бритый ничем не выразил своего интереса, а Седой с почти детским любопытством разглядывал крупного бородатого мужика в исполосованной когтями кожаной куртке, брезентовых штанах и рыжих ботинках, с двустволкой на плече.

Курильщик кивнул Крале, и та налила Леснику стакан мутноватой воды. Сталкер кинул в рот две таблетки, выпил. Он излучал грубоватую мужицкую силу – девушка переступила с ноги на ногу, кокетливо качнув бедрами, но Лесник даже не глянул на нее. Гулко откашлялся, вопросительно посмотрел на хозяина. Курильщик глазами показал на столик возле окна.

По знаку старшего Седой вскочил, подошел к Леснику.

– Слышь, борода, у нас тут есть для тебя задачка одна, как раз по твоему профилю, – развязно начал он.

Лесник покосился на него.

– Дел с группировками не веду, – низким голосом произнес он и отвернулся.

Седой осекся, поняв, что взял неверный тон. Он вытащил трубочку, нервно постучал по ладони. Нерешительно сунул мундштук в рот, погрыз и спрятал трубку обратно. Курильщик успокаивающе махнул ему.

– Это важное дело, – произнес наконец долговец. – По-настоящему важное. Только такой спец, как ты...

Лесник сморщился, приложив руку к груди. Не слушая, шагнул к стойке, за которой стоял хозяин.

– Чего им тут надо? – спросил сталкер негромко, опираясь на выскобленную деревянную поверхность. Из-за его спины Седой делал Курильщику всякие знаки и шевелил бровями.

– Их целая команда, – словно бы извиняясь, ответил скупщик, отгрызая кусочек от сигары и сплевывая. – Просто так они б не приехали ко мне, сам понимаешь. Значит, и вправду что-то важное. Так что ты выслушай хотя бы. К тому же лишние деньги тебе не помешают, на одних мутантах много не заработаешь... Обедать будешь? Охота удачно прошла?

Курильщик знал, что сказать, – упоминание о деньгах заставило Лесника обернуться и смерить должговцев взглядом. Седой вернулся за стол, сел и стал покачиваться на стуле. Бритый неподвижно глядел перед собой.

– Хотя бы выслушай их, – наклонившись над стойкой, повторил Курильщик. – А там решишь, браться или нет.

Сталкер покачал головой, сложил пальцы щепоткой. Хозяин кивнул.

– Ладно, обед попозже дайте, – сказал Лесник.

Развернулся и медленно, как медведь, вперевалку направился к столику, где сидели должговцы. При его приближении Седой вскочил, выдвинул стул.

– Любые подробности обозначим, – заговорил он весело, – делов-то...

Лесник кинул на него сердитый взгляд – и должговец осекся, вернулся на место. Придерживая локтем ружье, сталкер сел, стул под ним заскрипел.

– Так что у вас? – неприветливо спросил Лесник, внимательно осматривая должговцев из-под насупленных бровей. – Только не части, – предупредил сразу, заметив, что Седой раскрыл рот.

Тот помолчал, выбирая слова.

– Надо доставить груз в центр Могильника, – выпалил он и закашлялся.

Брови Лесника полезли вверх.

– В Могильник? – повторил он удивленно.

Седой продолжал:

– Там уже ждут. Небольшой груз, никаких проблем с ним не будет. Главное – доставить в целости и сохранности, чтобы никто не перехватил и не уничтожил. Ну, тут, я думаю, и так все ясно, в задании ничего особенного. Просто надо, чтоб никто не видел. Тайно, понимаешь? Тихо, скрытыми тропками, ты, говорят, умеешь, знаешь. Могильник – место темное, понятно, туда сложно пробраться, ну так ведь и ты не пальцем... – он поперхнулся.

Лесник наградил его тяжелым взглядом.

– Какое-то гнилое дело затеваете. Не нравиться вы мне, оба.

– На себя посмотри, борода! – вскинулся Седой. – Да если б я каждый день такую страхолюдину в зеркале видел...

Сталкер медленно поднялся, повернулся, ни слова не говоря, и пошел к выходу своей небыстрой косолапой походкой. Бритый дернул подбородком. Седой подскочил, кинулся за Лесником:

– Э, погодь, погорячился я! Да стой ты, медведь!

Он нагнал сталкера возле двери, схватил за руку повыше локтя и попытался развернуть. Лесник был не очень высоким, зато кряжистым и плотным, Седому не удалось сдвинуть его с места. Сталкер повернулся сам, и долговец невольно отступил на шаг, перейдя на шепот:

– Слышь, дядя, это всей Зоны касается! Важная разработка! Пойми, задача не частная, а для всех!

– Кровосос тебе дядя, – прогудел Лесник, плечом оттирая Седого. Приблизился к Бритому, который так и не пошевелился. – Серьезное дело? – спросил он хриплым басом. Главный кивнул. – Ладно, что за груз?

Бритый поднялся, коротко взглянул на сталкера.

– Можешь сейчас посмотреть. Наверху, в комнате.

– М-м? – Лесник неторопливо снял с плеча ружье, взвел оба курка, повел стволами в сторону лестницы. – Веди.

– Эй, ты чего? – хватаясь за кобуру на поясе, запротестовал Седой, но Бритый осадил его:

– Хватит болтать. Вперед, старшина.

– Есть, капитан, – обиженно пожав плечами, Седой стал подниматься по ступенькам. Бритый пошел за ним, Лесник направился следом, двустволка неотрывно смотрела в спину должовца.

– Так из какого ты лагеря, говоришь? – спросил он капитана на втором этаже.

– С Южной базы, сталкер, – спокойно ответил тот. – А ты зря за свое ружье взялся, мы тебе вреда не причиним, поговорить только.

– Я никому не доверяю, – пробурчал тот в ответ.

В конце коридора Седой распахнул дверь и посторонился, пропуская их в комнату. Капитан перешагнул порог, Лесник, не опуская ружья, вошел следом, окинул помещение быстрым взглядом. Дверь позади закрылась.

Пару раз сталкеру приходилось ночевать тут. Под окном стоял крытый клеенкой стол, в углу железная кровать, рядом старый, с растрескавшейся полировкой шкаф. За столом сидели двое должовцев, еще двое подпирали стену. На продавленной кровати, накрывшись покрывалом, сидела худая востроносая девчонка лет четырнадцати и с любопытством пялилась на сталкера.

– И где он? – спросил Лесник, качнув ружьем.

– Она. – Капитан кивнул на девушку и сложил руки на груди. Его бесстрастное лицо не выражало ничего, кроме усталости.

– Доставить ее? В центр Могильника? Тайными тропами? – Лесник хмыкнул скорее удивленно, чем рассерженно. Девчонка смотрела на него и улыбалась.

– Здравствуйте! – вдруг выпалила она.

Повернувшись, сталкер встретился взглядом с капитаном.

– Ищи дурака, – сказал он. – Я вам не детский сад.

Из-за Бритого выглянул старшина. Он был обеспокоен и нервозен.

– Послушай, борода, да пойми наконец, что ты должен...

– Я у тебя в долг не брал, – оборвал его сталкер. Стволы ружья уперлись в грудь капитана, но того, похоже, это нисколько не волновало. – С чего вдруг ребенка какого-то аж в Могильник вести? В Могильник! Из вас кто-то хоть раз близко к нему подходил? Информацией делиться не хотите, задание – общие слова, да еще чушь какую-то несете. Этот воробей – ценный груз? Расскажите крысиному волку в полнолуние!

Седой выхватил тэтэшник, наставил на сталкера.

– Ты что себе позволяешь, леший?! – взбеленился он.

Но тут капитан сделал шаг вбок, потом вперед, обойдя двустволку, приблизился к Леснику почти вплотную.

И произнес в заросшее кудлатой бородой лицо всего три слова.

Лесник побледнел, непроизвольно положил руку на грудь.

– Сколько? – переспросил он и хрипло добавил: – Половину вперед.

В баре «Пьяная плоть» было шумно. Все места заняты, барная стойка оккупирована любителями поболтать. У дверей играли в карты, сталкеры ходили между столами, перекидываясь приветствиями и новостями, и только один угол общего зала оставался свободным. Там, за столиком у окна, в одиночестве сидел высокий смуглый парень с черными кудрявыми волосами и темными глазами.

Развалившись на стуле, он молча разглядывал людей вокруг. Одет получше, чем большинство посетителей, в подбитой мехом длинной куртке, черном свитере, кожаных брюках и щегольских полусапогах, с золотым крестиком на груди. На столе стояла пепельница, пустая рюмка из-под коньяка и блюдо с остатками лимона, между ними лежал, поблескивая хромированным ободком, дорогой хронограф. Парень курил короткую сигарку и поглядывал на часы. Вокруг него образовалась небольшая зона отчуждения. Стоило кому-нибудь случайно приблизиться к столику, как человек этот застывал, глядя на смуглого сталкера, вымученно улыбался и спешил убраться подальше. Тот с безразличным видом искоса поглядывал на таких гостей.

Когда народу в зале еще добавилось, он сунул хронограф в карман, положил сигару на край пепельницы, встал и подошел к стойке.

На него украдкой поглядывали со всех сторон, люди отступали, гомон голосов становился напряженнее, пьяная беззаботность улетучивалась. Только какой-то едва стоящий на ногах забулдыга бодренько воскликнул:

– Рамир! Привет, как дела? Как жизнь?

Сталкер по прозвищу Цыган быстро повернулся на голос, подобие радости мелькнуло на лице, но тут же сменилось напускным равнодушием.

– А, Бром, – произнес он красивым густым баритоном, трогая мочку правого уха. – У меня нормально, а ты как?

Но пьяница уже словно испугался своего порыва. Неуверенно облизнувшись, попятился, глянул по сторонам – люди со всех сторон старательно прятали

глаза, – что-то промямлил и, подхватив со стойки ополовиненную бутылку пива, отступил куда-то в тень.

Рамир проводил его застывшим взглядом. Еще раз почесал ухо. Вокруг образовалась пустота, на этой стороне длинной стойки не осталось ни одного человека. Облокотившись на нее, он постучал костяшками пальцев по иссеченной ножами лакированной поверхности.

– Еще коньяка, лимон и кофе, – сказал Цыган, скосив глаза влево. Метрах в двух от него на высоком табурете сидел седой тощий сталкер в брезентовом плаще, из-под которого виднелись заляпанные грязью кирзовые сапоги. Он клевал носом над чекушкой «Столичной», рядом стоял граненый стопарик, в блюдце лежал надкусанный пирожок. Пока бармен наливал коньяк и готовил кофе, Рамир бочком подобрался к старику на пару шагов, откашлялся и заговорил светским тоном:

– Ну что, чем закончился поход на Свалку, Битый? Говорят, неплохой хабар собрали?

Голова сталкера качнулась, он всхрапнул, поморгал осоловело и протер красные с недосыпу глаза. Морщинистое лицо разгладилось.

– А! – оживился он. – Удачно сходили, ну. Разжился грави и парочкой камней...

– В почках? – уточнил Рамир, приподняв смолисто-черную бровь.

Битый хохотнул в кулак, а Цыган незаметно достал из кармана хронограф, положив на стойку у правого локтя, бросил косой взгляд на циферблат.

– Не, не в почках, а «Кровь камня», артефакт такой, сам знаешь, – охотливо ответил Битый. – И ни единого зверя не встретили по дороге, у меня все патроны остались, да еще и с погодой удачно... – каждое следующее слово он произносил тише и наконец совсем замолчал.

– Много выручил за них? – поинтересовался Рамир, глядя на часы. – Или только вернулись, еще не скидывали хабар? К Курильщику не иди, он жмот. Я слышал, через Сидоровича сейчас кто-то «Кровь камня» скупает в больших количествах,

так ты б к нему завернул...

– А, да, точно. Ты прав, конечно, – забормотал Битый. – Я... сейчас, я... Вот прямо сейчас к Сидоровичу и пойду, сей момент, а чего медлить? Вот сейчас и пойду, ага...

Оставив наполовину полную чекуху с пирожком, бормоча что-то, он бочком отвалил от стойки.

Рамир поднял глаза от циферблата, огляделся. Вокруг никого не было.

– Тридцать секунд, – с мрачным удовлетворением отметил он и убрал часы. – Где мой коньяк?

Бармен подал рюмку и блюдо с ломтиками лимона, поставил чашку с кофе. Цыган кивнул, забрал заказ и удалился за свой столик в углу. Как только он сел, оставшееся после него пустое место у барной стойки затянуло людьми.

Рамир положил ноги на соседний стул, пригубил коньяк, лизнув лимон, взял сигару. Глубоко затянувшись, размеренно выпустил в потолок три сизых дымных кольца. На лице его была какая-то мрачная радость, но в глубине больших темных глаз притаилось отчаяние.

Он посмотрел в окно. Был дождливый вечер, в домах поселка тускло горел свет. Отсюда меньше пяти километров до Периметра и всего шесть – до КПП, на котором одной из смен командует покладистый лейтенант, к тому же не жадный. Потому-то «Пьяная плоть» и пользовалась популярностью, отсюда удобно просачиваться в Зону. Краем уха прислушиваясь к шуму в зале, Рамир пригубил коньяк. Косые струи дождя поливали земляной двор, пристройки и стоящую во дворе технику: болотного цвета «УАЗик», микроавтобус, потрепанные «Жигули». Над высоким забором торчал фонарь, мутно-желтый свет озарял двор.

– Тоска, – негромко проронил Рамир и снова выпил. Широкое, с крупными чертами и выступающим подбородком лицо его было печальным, на лбу собрались морщины. Он достал хронограф, положил на ладонь, разглядывая. Находящиеся в баре старательно не обращали на него внимания. Уловив движение за окном, Цыган вновь покосился туда. В раскрытые ворота вошли

трое в плащах, потом, светя фарой сквозь дождь, въехал мотоцикл «Ява» с накрытой брезентом коляской. Меся сапогами грязь, троица прошла ко входу в дом, а мотоциклист, пробуксовывая, развернулся. Но не слез, остался сидеть, опустив ноги на землю и неуверенно оглядываясь. Рамир прищурился, разглядывая троицу, собрался встать, но передумал: в окне они уже исчезли, зато почти сразу объявились в дверях зала. Он коснулся крестика на груди большим пальцем, затем на мгновение прижал его к губам. Поерзал, снял ноги со второго стула, одной подпер его под край сиденья. Шевельнул стопой – стул качнулся.

Рядом раздалось:

– Это он, вишь?

Рамир поднял голову – трое стояли над ним. Один с лохматой бородой, у другого красное испитое лицо, третий здоровый, будто карельский лось-пятилеток. Из ноздрей здоровяка – его все так и называли, Лось, – торчали пучки темных волос.

– Он?! – хрипнул Лось, сверкнув глазами.

– Он, – сказал Лохматый, суя руку под полу.

– А-а! – надрывно взревел Лось и качнулся на Цыгана, доставая из-под брезентового плаща двуствольный обрез.

Цыган резко распрямил ногу, поддев стул, тот взлетел, угол спинки врезался Лосю между ног. Здоровяк трубно взревел. Лохматый с Испитым достали «узи», но навести на сталкера не успели: под столом гроыхнуло, Рамира слегка качнуло на стуле. Испитой ухнул жалобно и протяжно, опрокинулся на спину, прижимая руки к животу, по которому расплылось темное влажное пятно. Лохматый выстрелил, пули ударили в стул, но Цыгана там уже не было – он слетел на пол, упав боком, ногой врезал по ножке стола. Та подломилась, стол начал падать на сталкера, прикрыв его от Лося. Здоровяк выстрелил из обоих столов, пули расщепили столешницу, и стол свалился на Рамира. Лохматый обежал его, сталкер дважды выстрелил, вторая пуля угодила противнику в колено. Лохматый с криком упал.

Все это заняло пару секунд, не больше, в зале никто не успел опомниться. Рамир вскочил, Лось с размаху опустил приклад разряженного обреза, выбив пистолет из его рук. Двое корчились на полу, Лохматый трясущейся рукой пытался подобрать «узи», колено его напоминало распустившийся красный цветок. Испитой лежал лицом кверху и дергал ногами.

Закричал бармен за стойкой, вокруг загомонили, кто-то шарахнулся прочь, кто-то с любопытством вытянул шею, пытаясь разглядеть, что происходит. Рамир ударил Лося в челюсть, но тот с неожиданной для такого громилы прытью качнулся в сторону, и кулак лишь скользнул по скуле. Размахивая руками, Лось попал сталкеру по голове, по плечу, наконец ухватил за шиворот, дернул на себя. Цыган пригнулся, вывернувшись, и увидел, что Лохматый взялся за «узи». Руки Цыгана вцепились в ножку перевернутого стула, но вместо того, чтобы ударить Лося, сталкер развернулся.

Он врезал стулом по окну, посыпалось стекло. Лось выругался, Лохматый выстрелил, но не попал – Цыган уже нырнул головой вперед.

Он свалился в грязь под стеной, сразу вскочил. В баре стоял шум, бармен и трое выскочивших из подсобки мужиков, вооруженные кухонными ножами и битами, спешили к напавшим на Рамира. Испитой умирал, Лохматый корчился, держась за колено. Лось, расшвыряв ногами обломки мебели, ринулся к окну.

Человек в плаще, сидящий на мотоцикле с коляской, разинул рот и выпучил глаза на выпавшего из бара сталкера. Вздрогнул, узнав, и крикнул:

– Рамир? Цыган, это вы?! Сюда!

Рамир подбежал к нему, собираясь сбросить с мотоцикла и занять его место, но незнакомец уже врубил двигатель.

– Садитесь! На вас напали эти трое? За воротами их ждет машина, там еще сидят!

Рамир приостановился, лихорадочно оглядываясь. С ревом расшвыряв людей, из разбитого окна полез Лось с обрезом в руке. За раскрытыми воротами включились фары – стало видно, что там стоит микроавтобус, в котором маячат темные силуэты. Ну конечно, люди Ржавого приехали мстить всем кагалом...

Загудел мотор, микроавтобус тронулся.

– Ты кто?! – крикнул Рамир, перекидывая ногу через сиденье позади незнакомца.

«Ява» затряслась и рванула с места в тот миг, когда Лось, стряхнув с плеч три пары рук, вывалился в окно.

– Умник, я Умник! – прокричал мотоциклист, выворачивая руль. – Я к вам приехал поговорить...

Чтобы не выпасть, Цыган обхватил его за пояс – и попал ладонью на кобуру. Колеса забуксовали, полетела грязь, двигатель взвыл. Микроавтобус встал в воротах, перегородив их, дверцы распахнулись, наружу полезли люди.

– За бар гони! – крикнул Рамир, выхватывая пистолет Умника. – Поворачивай!

Лось, ревя во всю глотку, бежал за ними, на ходу перезаряжая обрез. Цыган выстрелил в первого человека, показавшегося из автобуса с «калашниковым» в руках. Тот упал, следом полезли другие. Застрочил автомат. Рамир выстрелил дважды, но не увидел, попал или нет, – микроавтобус остался за спиной. Они понеслись вдоль глухой боковой стены большого дома, в котором располагался бар.

– Куда дальше?! – крикнул Умник.

– За сарай, там калитка!

За домом стоял ржавый остов «Волги», дальше была низкая шаткая ограда, раскрытая калитка, в будке на цепи сидел пес – он выскочил и залился лаем.

Сзади стреляли, сквозь грохот доносились крики. Своротив коляской край ветхого забора, мотоцикл вылетел на поле. Умник развернулся, чтобы ехать вдоль грядок – дождь размыл ряды длинных пологих холмиков, но мчаться поперек них все равно было неудобно. Двор вокруг бара озарял мигающий свет, в нем прыгали тени. Рамир пришел туда налегке, снаряжение и большая часть оружия были в схроне за Периметром, под рухнувшим железнодорожным мостом. В баре не осталось никаких его вещей.

Умник сбросил скорость, но за полем на ровной земляной дороге вновь погнал. Он вздрогнул, когда ствол пистолета уперся в правый бок.

– Откуда ты? – хрипло спросил Рамир, вжимая оружие под ребра мотоциклиста. – Почему за мной приехал?

– Успокойтесь, пожалуйста! – произнес Умник нервно. – Я из «Свободы», и у нас к вам дело. Работа, понимаете? Уберите оружие!

– Так ты хиппи... Ладно, а чего ж ты вместе с ребятами Ржавого приехал?

– С кем? А! Нет, я не с ними! Просто так совпало. Уберите пистолет, я сказал! Отдайте его мне, я же вас спас!

Сталкер недоверчиво хмыкнул. Он убрал ствол с ребер Умника, но оружие не вернул.

– Ладно, тормози, – сказал он, когда поселок остался позади. – Дальше я на своих двоих.

– Нет, почему? – запротестовал Умник, но как-то вяло. – Поговорить нам надо, понимаете? Тут недалеко, вон, за деревьями, домик, я там остановился. Мы, «Свобода» то есть, его часто используем, местные туда не суются, знают, что схлопотать могут, а из сталкеров никто не знает про это место...

Он не договорил. Мотоцикл ехал вдоль ряда высоких тополей, и Умник вдруг вывернул рулевую вилку.

– Э, ты чего?! – заорал Цыган, хотя и догадывался, что происходит. Хиппи – так Цыган называл членов группировки «Свобода» – наконец проняло.

«Ява» проехала между деревьями, очутившись в низине у дороги, встала. Что-то пробормотав, Умник сполз с нее и побрел прочь, шатаясь. Оглянулся на Рамира. Тот остался сидеть, только ноги опустил на землю.

– Сейчас, – донеслось до него невнятное. – Я на минуту, простите...

Сделав еще несколько шагов, Умник повалился на колени, и его стошнило. Рамир молча наблюдал. Он не засекал время, но... сколько продержался свободовец? Почти десять минут? Это, наверное, из-за горячки гонки. Стрельба, езда на скорости – адреналин в крови помог парню. Но зато и накрыло его теперь основательно.

Цыган привстал, оглядываясь. Посреди большого поля росла березовая рощица, на краю ее стояла покосившаяся изба с темными окнами, окруженная низкой изгородью.

– Пришел в себя? – спросил он, когда свободовец наконец поднялся.

Тот кивнул, дрожащей рукой вытер рот.

– Простите, – повторил он. – Я... не знаю, что на меня нашло. Почему-то вдруг стало плохо.

Сталкер осклабился.

– Ясное дело, стало. Ладно, вон то ваш дом? – он показал на избу.

– Да. Нам туда. Почему эти люди напали на вас? – Умник пошел к мотоциклу, но вдруг остановился и попятился.

– Ребята Ржавого? – Рамир пожал плечами. – Тебе какая разница? Как напали, так и отпали. У них были свои причины, меня многие не любят. Так что, едем к тебе?

С сомнением поглядев на Цыгана, Умник провел ладонью по лбу. В свете фары было видно, как бледен свободовец.

– Ладно, – решил сталкер и слез с мотоцикла. – Ты садись и езжай медленно, я за тобой пойду.

* * *

– Присаживайтесь. – Умник повесил плащ на гвоздь возле двери, зажег закопченную керосиновую лампу на полке. В низкой избушке стояли три деревянных лежака, застеленные одеялами, и колченогий стол. – Почему вы называли меня хиппи?

– Ну, у вас же идеология такая... хипповая.

Рамир с любопытством огляделся.

– Хреновенькое убежище. – Поставив колченогий стул возле единственного окна, он сел так, чтобы видеть и окно, и дверь. Умник в это время включил стоящую на тумбочке газовую плитку, к которой тянулся шланг от большого красного баллона, зажег огонь под закопченным чайником.

– Чай будете? – спросил он через плечо, доставая с полки кружки. Еще там стояли жестянка с заваркой и литровая банка, полная сахара. – С лимоном, без?

Цыган пожал плечами:

– Я не затем сюда пришел. Что у тебя за дело? Выкладывай, приятель, и чем скорее, тем лучше. Для тебя же.

Умник сел между плиткой и столом, подальше от Рамира.

– Почему на вас напали долговцы?

– Слушай, это мои проблемы. – Цыган носком ботинка зацепил еще один стул, подтащил и закинул на него ноги. – А то гляди, опять поплохееет – говорить не сможешь. – Он презрительно усмехнулся, достал из нагрудного кармана сигарку и турбозажигалку.

– Ничего, скоро пройдет, – пробормотал свободовец, снял вскипевший чайник с плиты и разлил кипяток по чашкам. – Что у вас с «Долгом»? – настойчиво повторил он.

– У меня с ними ничего, это у них со мной, – раздраженно ответил Рамир, откусывая кончик сигары и выплевывая на пол. – Меня трое сталкеров наняли, из

вольных, сопровождать их с грузом до Кордона. Они раздобыли с десятков шкур рыжих псевдопсов, ну и решили подстраховаться. Рыжие-то хорошо ценятся, не копеечный груз. – Он глубоко затаился, выпустил дым большим кольцом. – Мы везли шкуры заказчикам в условленное место, но по дороге на нас напал патруль «Долга». То ли стукнули им про нас, то ли сами вышли как-то... Напали подло, из-за кустов. Я в перестрелке убил их старшего. Отряд Ржавого, слышал? Вот я и застрелил этого Ржавого, защищаясь. А они вызверились на нас. Командование «Долга» отряд после, я слышал, расформировало, распихало кого куда. А кто остался, видишь, собрались, чтоб мне отомстить.

– Извините, я на минутку, – перебил Умник и как был, без плаща, выскочил за дверь. Скрипнули разошедшиеся половицы. Рамир потрогал мочки ушей, помял их, слегка морщась. Встал, подошел к столу, взял одну кружку, бухнул туда добрых пять ложек сахара и три дольки лимона, вернулся на место. Когда бледный свободовец вошел в дом на дрожащих ногах, Цыган уже развалился на стуле и тянул горячий чай.

– Так чего от меня хочет «Свобода»? – спросил он без энтузиазма. Умник сел с другой стороны стола, кашлянул, прикрыв рот.

– Тут такое дело... надо кое-кого убрать.

– Я не киллер. – Цыган скинул ноги со стула, и половицы протяжно заскрипели. Он выловил из кружки дольку лимона, посмотрел сквозь нее на лампу, сунул в рот и разжевал, не поморщившись.

– Нет, я и не говорю, – заторопился Умник, утирая рукавом выступивший на лбу пот. Вытащив огромный клетчатый носовой платок, он промокнул лицо и шею. – Но вы наемник. Вы убили Выдру с Карпатым.

– Я поступил с ними так, как эти подонки вскоре поступили бы со мной. – Сталкер съел вторую дольку.

– А этот лейтенант из «Долга», Ржавый?

– Ты, приятель, спятил? Какое это убийство? Я что, должен был подставить лоб под пули этого придурка? – Он сжал руку в кулак и сунул под нос Умнику. Свободовец отшатнулся, разом позеленев.

– Послушайте, это очень важно для Зоны...

– Нет, это ты послушай! – Рамир ударил кулаком по подоконнику. – У меня ваша Зона в печенках сидит, ясно? Ради нее я и пальцем не шевельну.

Свободовец вымученно улыбнулся.

– Ладно, что вы хотите за то, чтобы выполнить это задание?

– Хочу жить долго и счастливо как можно дальше отсюда. Мне нужно достаточно денег, чтобы свалить за Периметр и купить дом в нормальном мире.

На некоторое время в избушке воцарилась тишина. Красный от напряжения Умник, подняв к потолку глаза и шевеля губами, что-то высчитывал. Наконец сказал:

– Возможно, мы сможем вам заплатить такую сумму, чтобы хватило. Вы сотрудничали с Бородой?

– Ну да... – сталкер удивился неожиданному повороту разговора. – Хотя «сотрудничал» – не то слово. Просто дела общие пару раз были...

– Он ведь смастерил кое-что для вас, одно устройство?

– С чего вы взяли? – Рамир подался вперед. – Откуда информация?

Умник сделал неопределенный жест.

– У нас есть разведка, конечно. А вы что думали, только «Долг» имеет осведомителей и собирает информацию по всей Зоне?

Цыган покачал головой, откинулся на стуле.

– Что-то я не пойму... При чем тут вообще Борода?

– Ни при чем, просто меня интересует, как хорошо вы оснащены. Детекторы, сенсоры, прочее?..

– Ну да, снаряга, какая надо, у меня есть. С оружием чуток похуже, но, в общем, тоже порядок. А Борода тогда сделал для меня такое... электронное пугало, как он его называл. Антиманок для мелких мутантов и грызунов.

– Хорошо. Так вы готовы взяться за дело?

Рамир неопределенно пожал плечами. Настроение у него окончательно испортилось – этот заброшенный скрипучий домик на отшибе, тусклый свет лампы и запах керосина, унылая дождливая ночь, а перед тем – беспросветный вечер в окружении чужих людей... Тут повеситься впору, а хиппи темнит, что-то там про судьбы Зоны болтает...

– Короче, – сказал сталкер. Наклонился, поставил кружку на пол у ног и прямо взглянул на свободовца: – Говори, в чем дело, только быстро.

– Нужно уничтожить один объект. – Порывшись в нагрудном кармане, Умник положил на стол помятую фотографию. – Вот, посмотрите.

Рамир взял карточку двумя пальцами, повернул к свету.

– Гарна дивчи?на, – сказал он на украинском, бросил фотографию на стол и покачал головой. – Нет, приятель, не могу. Ма не одобрила бы такого.

– Что вы говорите, какая еще «ма»? – Умник вскочил, опрокинув стул, обежал вокруг стола, распахнув дверь, стал жадно глотать холодный ночной воздух. Глядя ему в спину, Рамир негромко рассмеялся, однако в его смехе было больше горечи, чем веселья.

Свободовец вернулся, но теперь сел подальше, между плиткой и столом. Ссутулился. Его согбенная тень протянулась по стене, и почему-то при виде нее Цыгану стало еще тоскливее, он ощутил гнетущую безысходность и отвернулся. Умник произнес напряженно:

– Послушайте, Цыган. Это очень важно. Девушка не должна дойти до Бобловки. Вы знаете, что это?

Глядя в стену, Рамир протянул:

– Бобловка... Село такое, кажется. Старое, заброшенное... Э, постой! – Он перевел на собеседника изумленный взгляд. – Вспомнил! Ты что говоришь? Бобловка ведь в центре Могильника! Она над этой стоит... над Крепостью! Ведь там на пути Лес-Мозголом, Вязкое пятно, чужаки какие-то странные. Лабиринты сверхмутантов, в конце концов, живой туман, про который вообще никто ни черта толком не знает... Через Могильник пройти – это же целое дело!

– Правильно. Потому поведет девушку один человек, Лесником величают. Мы узнали про это от Курильщика, он ведь прослушивает все комнаты в своей «Берлоге»... Впрочем, это уже не ваше дело. С Лесником не знакомы? Он знает всякие тропы... Вероятно, организует маршрут так, чтобы достичь Бобловки как можно быстрее, минуя богатые артефактами, но самые опасные районы Могильника. Хотя вопрос не в том – лучше остановить их до того, как оба нырнут в Могильник, там уже будет гораздо сложнее. Лесника можно не трогать, а можно тоже... в общем, как хотите. Но ее – обязательно. Это действительно очень важно, поверьте. Очень.

Рамир испытующе глядел на Умника. Потом отвел взгляд, уставился на печку и долго сидел неподвижно.

– Мы хорошо заплатим, – сказал свободовец. – Очень хорошо. Вам хватит на то, чтобы уехать из Зоны, купить дом и открыть какой-нибудь небольшой бизнес за Периметром...

– Ч-черт, – пробормотал Рамир.

Морщась, то и дело облизываясь, потирая вспотевшие ладони, Умник наблюдал за ним. Цыган сидел неподвижно, в напряженной позе, глаза его блестели. Вдруг он большим пальцем дотронулся до креста на груди, после коснулся губ.

– Почему я? – резко спросил сталкер.

Умник вытер лицо платком, расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Вы – лучший наемник в южной Зоне. Лучший специалист по... этим делам.

– По убийствам, – проронил Цыган глухо.

– Ну... можно и так сказать.

– Но есть еще братья Черви. Кардан, Хохолок. Аслан и Карим....

Умник привстал, махнув рукой.

– Но вы убили самого Пилота! Вы лучший охотник на людей. По крайней мере, самый удачливый. Вы всегда хорошо оснащены, идете в ногу со временем, разбираетесь в электронике. Мы заплатим вам столько, сколько вы не видели в своей жизни и никогда не увидите. Только сделайте это, обязательно! Уничтожьте объект прежде, чем Лесник доведет ее до Могильника!

Глава 2

Лысая балка

1

Когда русло высохшей реки и «Берлога» остались далеко позади, Лесник свернул с дороги на едва заметную тропку.

– До вечера можно идти спокойно, неприятности начнутся дальше, – предупредил он. – Тебя как звать?

Сборы заняли совсем немного времени, Лесник лишь забрал из комнаты в заведении Курильщика свои мешочки, висящие теперь у него на поясе. На сталкере были широкие штаны и куртка, потрепанные, потертые, кое-где со следами когтей и зубов. На куртке множество карманов, через плечо перекинут ремень ружья, стволы качались за спиной в такт мерным шагам.

Девушка переоделась в мешковатый камуфляж, слишком большой для нее. Рукава куртки и штанины она старательно подвернула, туго зашнуровала высокие ботинки.

– Я раньше жила в Зоне, – пояснила спутница, когда они вышли из «Берлоги». Капитан «Долга» выдал ей тэтэшник, и она деловито засунула его в наплечную кобуру.

– Владеешь? – спросил, нахмурившись, Лесник. Он не любил автоматическое оружие.

Закинув на плечо рюкзачок с едой и вещами, девушка кивнула и стала завязывать волосы в хвост на затылке. Она легко шагала за провожатым по тропинке, отводя ветки рукой. Когда Лесник обернулся, сказала:

– Вы за меня не бойтесь. Я ходить привычная.

– Звать как? – повторил он.

– Настька. Мы раньше жили в Бобловке, а потом меня в интернат отправили.

Солнце еще высоко стояло в небе, было часа четыре. Лесник кивнул своим мыслям и хмуро произне:

– Учти, идти до позднего вечера, медлить из-за тебя я не буду.

Настька тряхнула неровно обрезанной челкой, почти закрывшей ее густые черные брови:

– Я сильная!

Лесник не ответил. Ему не нравилось топтать по Зоне в компании постороннего человека, тем паче девчонки, сталкер привык к одиночеству. Они вышли из зарослей на залитый солнцем луг, поросший высокой травой. Лесник остановился, осмотрелся из-под ладони. Девушка выглянула из-за его плеча.

– Аномалии?

– Тут чисто, – отозвался нехотя сталкер. – Только если тварь какая выскочит. Аномалии дальше пойдут, в лесу. Помолчи пока.

– Если мутант – я его убью! – пообещала Настька и наконец умолкла, наблюдая за проводником. Лесник снял ружье с плеча и неторопливо двинулся через луг. Настька шла след в след, крутя головой. Было тихо, легкий ветерок колыхал подсохшую траву, стебли гнулись, шуршали. Все спокойно, как будто не по Зоне шли, а в обычный мир забрели, безопасный и надежный.

– Смотрите, какая ворона большая! – Настька ткнула сталкера под лопатку. Он резко обернулся, вскидывая ружье. Стволы ударили девушку по уху, и она присела, схватившись за голову. На глазах выступили слезы.

Не опуская двустволку, Лесник быстрым взглядом окинул луг.

– Где? – отрывисто спросил он.

– Больно-о... – проныла девушка. Поднявшись, она кивнула: – Вон сидит. Зачем вы меня стукнули? Прямо по уху! Чуть не убили...

Сталкер всмотрелся в черный изломанный силуэт, видневшийся у леса далеко слева. И опустил ружье.

– Какая это ворона? Это старый горелый дуб. По прошлому году молния в него ударила.

Настька приподнялась на цыпочки и долго вглядывалась в ту сторону.

– Да? – Она погладила покрасневшее ухо. – Вы точно знаете? А то вон смотри, и клюв, и хвост, и вроде как крыло... Как бы поднято, словно взлететь собирается?

Не говоря ни слова, Лесник махнул рукой и двинулся дальше все тем же размеренным шагом, закинув ружье за плечо. Девушка, постояв еще, догнала его и пошла сзади, принаравливаясь к походке проводника.

Когда достигли опушки, солнце клонилось к горизонту, окрашивая облака над деревьями в красно-розовый цвет. Лесник остановился.

– С тропы не сходи, – предупредил он, вытаскивая из-за пазухи моток бечевки. – Если потянет куда – крикни. Только не вопи как резаная, чтобы псевдопсы не набежали или кто похуже. Дай привяжу.

Девушка кивнула, подняла руки. Лесник обмотал бечеву вокруг ее талии, закрепил, другой конец привязал себе к поясу. Там, помимо множества мешочков, висел в кожаной петле топор, лезвие которого было убрано в потертую брезентовую рукавицу. Подергав бечевку, чтобы проверить крепость узлов, сталкер велел:

– Вперед не забегай. Тут уже опаснее, а нам до темноты надо выйти к Лысой балке.

– Куда? – не поняла Настька, но Лесник уже отвернулся, перебирая мешочки на поясе. Девушка поглядела на лес. Подсвеченные заходящим солнцем деревья протянули к ней длинные тени, словно хотели поймать в сеть. Лес просматривался лишь на несколько шагов вглубь, дальше все закрывал густой подлесок. Кусты, папоротник, растущие местами почти вплотную друг к другу молодые елочки, осины с ольхой... И что-то там, в тихой таинственной глубине, потрескивало и шуршало, слышался треск и шелест, кто-то шмыгал в траве и пролетал в кронах – лес жил своей жизнью.

И, кажется, не ждал гостей.

– Борг нам поможет... – прошептала девушка.

Они вступили под высокие своды столетних сосен. Тропинка шла прямо, Лесник пока не снимал ружье с плеча. Настька вертела головой, то улыбалась, то хмурилась. Несколько раз она пыталась обратить внимание проводника на лохматое птичье гнездо, раздвоенное дерево и прочие интересные для

горожанина штуки, но сталкер не реагировал или просто шикал на нее – и наконец девушка прекратила попытки завязать разговор. Так, в молчании, они вышли к широкому оврагу, со дна которого доносилось журчанье. Там протекал ручеек, едва заметный сквозь густые кусты. Через овраг перекинуты два кривых бревна. На той стороне, возле поваленного дерева, вились мухи. В лесу было тихо, и жужжание их слышалось отчетливо.

– Что это с ней... Сместилась, что ль? – Лесник вытащил из мешочка гайку, бросил над мостком. Настька едва успела заметить движение – гайку подхватило и по широкой спирали понесло в центр аномалии. Ворох палых листьев поднялся в воздух. Девушка почувствовала, как ноги отрываются от земли. Она тонко вскрикнула, протягивая руки к Леснику.

Сталкер дернул бечевку – и Настька повалилась на землю. В нос ударил запах травы, влажного перегноя. Она вцепилась в мох, пальцы продавили в нем тонкие бороздки.

Лесник отвернулся от аномалии, наклонился, будто шел против сильного ветра, сделал шаг к ближайшему дереву. Девушка хваталась за траву, но не могла сопротивляться даже ослабленной гравитации на периферии «Воронки» – аномалия волокла ее к оврагу. Центр «Воронки» находился на той стороне, у поваленного дерева.

Сделав еще шаг, Лесник обхватил ствол сосны. Бечевка врезалась Настьке в пояс, и девушка застонала, стиснув зубы, но продолжала ползти вперед.

– Правей, правей давай! – прохрипел Лесник, а сам взял влево, обходя дерево.

Они оказались по разные стороны высокой сосны, повисли на ней, – ствол держал бечеву и не давал аномалии утащить людей. Лесник подтянул девушку; Настька закричала, ей показалось, что ее сейчас распилят пополам.

– Прислонись к дереву и стравливай веревку, а я дальше отойду, – велел Лесник, отматывая добрый кусок нейлоновой бечевы. – Тут гравитация несильная, легко одолеем.

– Несильная? – хрипнула лежащая на животе Настька, обхватывая шершавый ствол. Лесник вместо ответа наклонился, ногой оттолкнулся от сосны и прыгнул

низко над землей. Перед ним росла молодая березка, она тоже находилась в радиусе действия аномалии, изгибалась, будто под ураганным ветром, дующим к оврагу. Гравитация потянула Лесника назад, он шлепнулся оземь в двух шагах от деревца. Его поволокло, но сталкер выбросил руку, пальцы сжались на тонком стволе. Березку согнуло дугой, трещали, выворачиваясь из почвы, корни. Лесник подполз ближе, согнув ногу в колене, уперся в деревце у самой земли – и, оттолкнувшись, прыгнул опять. Березка вывернулась из почвы, полетела в овраг, корни мотались в воздухе, разбрасывая черные комья. Настька вскрикнула, пригнула голову. Ветви царапнули ее по затылку, и «Воронка» закружила деревце. Через мгновение во все стороны брызнули щепки. Лесник обхватил невысокий, но уже крепкий дубок. Выпрямился, подтянул бечеву. Давление стало уменьшаться, затем пропало. Настька поднялась на колени, дрожащими руками ослабила впившуюся в пояс веревку.

– Ты хотел меня убить? – хриплым шепотом спросила она. – Ты должен был знать, что она там! Какой ты после этого лесник?!

Сталкер смотал бечеву, закрепил на карабине. Борода его растрепалась, в волосах застряли сосновые иголки и трава.

– «Воронка» сдвинулась, – нахмурившись, пояснил он. – Кто-то проходил тут недавно.

– Ну и что?! – Девушка присела, держась за оцарапанную голову. – Тут ходит куча народу!

Лесник покачал кудлатой головой.

– Это звериная тропа, ею никто не пользуется. Мостик я сам клал. – Он поднял голову, внимательным взглядом окинул окружающие деревья, будто ожидая увидеть кого-нибудь. Лес ответил враждебным молчанием.

* * *

Цыган сделал себе схрон в тихом месте под обрушившимся железнодорожным мостом. С одной стороны – почти отвесный земляной склон, с другой – колючие заросли выше головы и погнутая опорная ферма, с которой свисали ржавые

волосы. В этом районе всегда было много аномалий, пробраться в схрон мог лишь человек, знающий тайную тропку, что петляла по всей низине под мостом. Да и схрон был совсем незаметным – так, халупа из фанеры и досок. В подполье, накрытом листами ржавой жести, хранилось оружие, припасы и снаряжение.

Вытерев ладонью рот, Рамир отодвинул блестящую кружку из нержавеющей стали. Он вытащил из-под стула рюкзак, порывшись там, расстелил на столе карту Зоны, истершуюся на сгибах, провел желтым от табака пальцем по грубой шершавой бумаге. По словам свободовца, объект под охраной вышел из бара Курильщика и движется в направлении Бобловки. Ровно остриженный ноготь уперся в значок на карте, Цыган пробежал взглядом по местности между двумя точками, откинулся на спинку стула и закурил.

Что мы имеем? Объект сопровождает Лесник. Про этого сталкера он слышал, хотя не видел ни разу. Тот хорошо знает лес, значит, по дороге не пойдет, постарается обойти своими тропами. Но направление будет держать. Подозрений, что за ними следят, у Лесника нет, если не врет Умник, а ему не с чего врать. Таким образом, – Рамир еще раз взглянул на карту, прикидывая, – они должны будут пройти Лысую балку. Там Цыган их и подождет. Они идут пешком, но от Курильщика. А он в схроне, ближе к балке, к тому же ему не надо двигаться тайно. Пойдет по старой трассе, потом возьмет на северо-восток, чтобы оказаться примерно между Свалкой и Темной долиной... Он сверился с картой. Правильно, там и встретит их.

Рамир сложил и убрал обратно карту, вытащил из-под стола забрызганные грязью походные ботинки, надел их, а щегольские полусапоги убрал в подпол. Просунул руки в лямки рюкзака, на одно плечо надел чехол с винторезом, через другое перекинул ремень «G-36». Времени хватало, он успевал подготовиться к встрече.

* * *

– Звериная тропа? – переспросила Настька, поднимаясь и отряхивая колени. Ее еще трясло. – Да тут же нет никаких зверей, одни мутанты!

– Вот именно. – Лесник снял с плеча ружье. – Давай через мост, пока «Воронка» не восстановилась.

Девушка поежилась с несчастным видом, но послушалась. Придерживая лямки рюкзака, она вернулась к оврагу, ногой попробовала бревно – оно немного шаталось – и перебежала на другой берег. Там сразу отскочила вправо, мелкими шажками обходя притихшую аномалию. За поваленным деревом во влажном еще буром пятне лежала оторванная звериная лапа. Настька попятилась, уперлась спиной в старую сосну и замерла, глядя на мохнатую конечность. Улетевшие мухи возвращались, жужжание вновь наполнило воздух.

Перейдя овраг, Лесник подошел к девушке, взял ее за плечо. Настька вздрогнула.

– Я не думала, что оно... так сразу, – жалобно улыбнулась она. – Я думала, Бог меня защитит...

– Давно не была в Зоне? – без особого интереса спросил Лесник и сунул руку в один из мешочков на поясе.

– С семи лет, – вздохнула девушка. – Отвыкла уже. Ой, что это у тебя? – вскрикнула она, распахивая глаза.

Лесник держал в руке вострапанного воробья. Он разжал пальцы, и птица зашевелилась, закрутила коричневой головой.

За оврагом лес становился гуще. Вдоль едва заметной тропы росли кусты земляники, зеленела россыпь трехлистной заячьей капусты, а дальше землю скрывали густые папоротники. Лесник подбросил воробья. Тот взмахнул крыльями, затрепыхался, едва не упав, и полетел над тропой. За ним потянулся тонкий шнурок.

– Вы... ты привязал ее? – удивилась девушка. – Да ты просто живодер какой-то! Отпусти птицу!

Лесник пошел за воробьем, дернув бечеву, которой они с Настькой до сих пор были соединены. Девушка побежала следом, возмущенно крича:

– Зачем мучаешь животное? Какой ты после этого лесник! Лесники должны охранять лес, а ты над ним издеваешься! Над живой природой! Варвар, вандал!

Не останавливаясь и не оборачиваясь, Лесник ответил глухо:

– Заткнись. Я Лесник, а не лесник. Ясно тебе? Зовут меня так. Сталкер, а не лесник. Не ухаживаю за лесом, дурья башка, а зарабатываю на нем. На Зоне.

Настька обиженно смолкла. Прикрепленная к кольцу на лапке леска тянулась за воробьем, разматываясь из мешочка. Они вошли глубже в вечерний лес, вокруг стало серо, сумеречно и уныло. Птица летела метрах в пяти перед ними, почему-то – прямо над тропой, не пытаясь упорхнуть вбок. Вскоре Настька потеряла воробья из виду.

– Зачем тебе привязанные птицы? – спросила она наконец. Теперь в голосе не было надрыва, слез – девушка так устала от переживаний этого дня, что сил хватало лишь на то, чтобы идти за проводником след в след, не спотыкаясь.

Лесник ответил не сразу, и Настька поначалу не поняла его ответ.

– Не люблю я эти детекторы, – негромко произнес сталкер, прислушиваясь.

– Что? – переспросила она. – Какие детекторы, о чем ты?

И тут воробей впереди остановился, будто наткнулся на невидимую стену, забил крыльями, пытаясь отлететь назад. В воздухе запахло паленым.

– Ложись! – гаркнул Лесник, падая в траву. Настька тоже упала, но прежде, чем ткнуться носом во влажную землю, увидела, как тонкие молнии пропороли лесной сумрак.

* * *

Когда Цыган вошел в Лысую балку, солнце уже садилось.

На шее у него висел бинокль и металлический короб детектора аномалий, из боковой стенки торчал толстый гибкий щуп сенсора. На спине – рюкзак и длинный чехол с «ВСС», на ремне кобура и два ножа, в руках верный «G-36».

Сталкер осмотрелся. Уходящий из-под ног вниз пологий склон был изрезан небольшими отрогами, среди них зеленели рощицы. Противоположный склон – гораздо выше и круче. По дну балки тек ручей, огибая холмик, где среди высоких берез стояли две брошенных избы с покосившимися заборами. Рамир снял с плеч рюкзак, достал бинокль и тщательно изучил постройки. Внутри почти наверняка прятались крысы или тушканы. Запомним, кивнул он сам себе и навел бинокль на растущий по верху противоположного склона лес. Вот это едва заметное марево – уж не «Жарка» ли?

Открывшийся взору пейзаж дышал спокойствием и умиротворением. Поросшие зеленой травкой пологие холмы, ручей, прохладная рощица вдали... Но сталкера эта тишина и подозрительная неподвижность только настораживали.

Он опустил бинокль и склонился над рюкзаком. Один за другим на свет появились несколько приборов. Усевшись на траву, скрестил ноги, посмотрел на детектор. Аномалию на той стороне балки тот, конечно, не улавливал. Было тепло, и Рамир расстегнул куртку. Кинул косой взгляд на ПДА – в округе никого. Вытащил из кармана тубу, вытряхнул на ладонь сигару, любовно обнюхал. Хороший, дорогой табак. Цыган раскурил ее и глубоко затянулся. Выпуская кольца, стал задумчиво озирать окрестности. Он наблюдал и изучал, думал и прикидывал, и постепенно у него вырисовывался план.

Сняв «ВСС» с плеча, Рамир покопался в рюкзаке, вытащил прицел ночного видения и установил на винтовку. Окуляр прицела скрывала защитная диафрагма светофильтра. Рамир глянул на уходящее за горизонт кроваво-красное светило, прикинул освещенность – и снимать диафрагму пока не стал. Вынув из бокового кармана рюкзака кусок брезента, расстелил в траве, положил на него винтовку, рядом – тепловизор в черном корпусе, похожий на камеру слежения. Потом расстегнул крепления, держащие под днищем рюкзака пятнистый чехол. Вскоре между кустами стояла камуфляжная палатка с датчиком движения на вершине и глазом видеокамеры под ним.

– Не мешает подстраховаться, – почти весело сказал Цыган сам себе, включая датчик. Он любил электронику, приборы, технику, любил оружие и фирменную снаряду – всякие созданные людьми хитрые штучки. – А то ведь ходят тут всякие...

Это из-за вынужденного одиночества у Рамира появилась привычка разговаривать вслух с самим собой. Раньше-то он был общительным,

добродушным и компанейским, таких называют «рубаха-парень». Но после того случая всё изменилось. Теперь очень многие в Зоне не любили его, сталкер стал отщепенцем. Вон даже свободовцы обратились именно к нему, когда понадобилось кого-то убить. Это значит, Рамир теперь в их глазах – наемник-убийца, изгой. А такая репутация на ровном месте не возникает.

– Ну и ладно, – сказал он, вновь хмурясь. – Они не любят меня, а я не люблю их. Мне никто не нужен.

Датчик мог засечь передвижение объектов размером с собаку и больше, крысы пробегут мимо незамеченными, но для крыс и тушканов у Рамира были другие сюрпризы. Соединив камеру и датчик с ноутбуком, он включил систему слежения. Потом залез внутрь, положил винторез рядом.

– Время есть, – заключил сталкер. – Объект не уйдет.

Он специально называл ту, кого предстояло убить, обезличенным словом «объект». Так будущая жертва теряла человеческие черты, превращалась в некий предмет, который надо просто уничтожить. Рамир настроил камеру так, чтобы та передавала изображение участка леса на противоположном склоне, за домами, – оттуда, по его расчетам, и должен выйти Лесник с объектом. Положил на колени ноутбук, где появилась черно-белая картинка, вынул из рюкзака хлеб, колбасу и термос с чаем. Задумчиво потряс металлическую флягу с коньяком и отложил. Он поужинал, уставившись в небольшой экран, иногда поднимая голову, выглядывая наружу, вслушивался в звуки леса. Ветер шумел в верхушках деревьев, а больше ничего слышно не было.

Бутерброды кончились, кружка крепкого сладкого чая была выпита, а объект все не появлялся. Рамир задумчиво почесал переносицу. Где же старый зверолов?

Прошло пять, десять минут. Камера показывала луг и лесную опушку, там ничто не двигалось. Цыган выполз из палатки, в бинокль осмотрел противоположный склон балки. Повел биноклем вправо, влево – нигде никого.

– Ну не могли они мимо пройти, – произнес он, обращая смуглое лицо к темно-синему небу. Солнце село, сумерки расплзались по Зоне, наполняя балку причудливыми тенями. Ручей на дне слился с травой, от воды поднимался бледный туман. – Если не появятся через пятнадцать минут, туман закроет

выход из леса.

Но и через полчаса никто не появился. Туман давно рассеялся, Рамир уже грыз ногти и поглядывал на ПДА, хотя знал, что Лесник этой штукой не пользуется и отражаться на миниатюрном экране устройства не может никак. Ноутбук по-прежнему показывал неподвижный лес. Рамир беспокоился.

Голубые молнии «Электры» возникли левее, чем он ожидал, и не попали в поле обзора камеры. Услышав треск разрядов, Рамир выскочил из палатки. Над лесом поднимался столб густого дыма, среди деревьев посверкивали снопы искр.

– Их что, угораздило в «Электру» попасть?! – разъярился Цыган. – Эй, это я должен был вас убить! Мне нужны эти деньги!

Наводить тепловизор на аномалию не имело смысла, поэтому он просто стоял возле палатки с прибором в руках и глядел, как догорает на противоположной стороне лес.

* * *

Аномалия разрядилась быстро, но Настьке казалось, что та горела целую вечность. Лес наполнился треском и хлопками, ветки вспыхивали, на землю сыпались сажа и пепел. Когда все наконец стихло, девушка опасливо подняла голову. Они с Лесником лежали недалеко от черного выжженного круга, из которого торчали обугленные стволы.

Скинув рюкзак, Настька села на корточки, приложила ладони к горячим щекам. Подняла на встающего Лесника глаза и спросила кротко:

– А птичка?

Сталкер показал оплавившийся конец леси.

– Только не реви, – предупредил он, подбирая с земли двустволку. – Сиди здесь, я посмотрю вокруг, может, что полезное найду. «Электра» долго теперь будет заряжаться.

Девушка кивнула. Глаза ее были полны слез.

Освободившись от бечевы, которая соединяла его с Настькой, Лесник обошел полянку почерневшей земли, внимательно глядя под ноги. Сделал второй круг, уже большего радиуса. Трижды наклонялся, но только один раз что-то поднял. Когда вернулся, в руке его, защищенной толстой перчаткой, лежало нечто бесформенное, испускающее слабое свечение.

– «Вспышка», – пояснил Лесник, показывая его Настьке. Из мешочка достал второй артефакт, присел.

– Что это? – прошептала девушка.

– «Ночная звезда». Редкая и дорогая штука. Не трогай! Отойди и не мешай мне.

Она так и сделала, с любопытством наблюдая за Лесником. «Ночная звезда» светилась зеленым, на зеркальной поверхности ее перемигивались изумрудные крапинки. «Вспышка» – полупрозрачный ком чего-то непонятного – иногда испускала лучи бледного света, иногда в воздухе вокруг возникали и тут же гасли искры.

Лесник сел на землю, скрестив ноги по-турецки, положил рядом открытый рюкзак, достал сверток промасленной ткани. Развернул – внутри оказались миска, большая кружка, длинная «цыганская» игла, клещи, скальпель, щипцы. Настька поежилась, увидев содержимое свертка: оно напоминало инструменты для пыток. Еще там был кусочек меха – вдруг она поняла, что это шкурка какого-то животного. Может, крысы или тушкана? Настька слышала про каких-то тушканчиков-мутантов, обитающих в Зоне. Да, наверное, с одного из них сталекер и спустил шкуру.

– Для чего это? – шепотом спросила она. – Василий... дядя Василь, слышите?

Сталкер не ответил. Он снял с пояса плоскую флягу, отвинтил крышечку – запахло спиртом. Сосредоточенно расправил вторую тряпицу в полуметре от первой, положил на нее «Ночную звезду», а «Вспышку» – рядом с миской, щипцами и прочим. И задумался, уставившись на артефакты. По воздуху вокруг «Звезды» расплывались волны света, «Вспышка» испускала бледное свечение. Лесник поднял взгляд на Настьку.

– Никому не рассказывай о том, что сейчас увидишь, – произнес он очень серьезно.

– Я... – Настька смутилась, будто сталкер уже уличил ее в этом. – Хорошо, я никому не скажу. Честное слово! А... а что я сейчас увижу?

– Увидишь, как из двух артефактов я сделаю сборку – один, но с новыми свойствами. Это мало кто умеет. И такими тайнами не делятся.

Мало что поняв, Настька кивнула. Лесник привстал, провел ладонью над «Вспышкой» и, помедлив, взялся за иглу. Девушка закусил губу.

– Что вы хотите делать? – спросила она. – Ей будет больно?

– Не дури. Это артефакт, а не животное, ему не может быть больно.

– Но...

Он глянул на нее – взгляд был затуманен, сталкер явно думал о другом.

– Молчи, говорю.

– Хорошо, – прошептала Настька едва слышно и стала смотреть дальше.

Лесник задумчиво повертел иглу, отложил, взял клещи – и вдруг ковырнул ими бок «Вспышки». Настька вздрогнула, прикусив губу чуть не до крови. В воздухе вокруг артефакта разлетелись искры. Из надорванного бока выскользнула тонкая молния, зазмеилась по тряпице, погасла. А сталкер уже быстро разворачивал шкурку, казавшуюся маслянистой, будто ее пропитали каким-то составом. Лесник завернул в нее «Вспышку». Теперь свет едва пробивался наружу.

Он взял щипцы, несколько раз осторожно перекатил сверток с места на место – изнутри слышалось потрескивание.

– Так, – пробормотал сталкер. – Так...

Артефакт вдруг качнулся сам собой, Лесник толкнул его ладонью, чтобы не съехал с тряпицы. Шкурка начала чернеть. Затрещало, в воздухе возникли белые огоньки и сразу погасли. Настька смотрела во все глаза. Шкурка стала неприятной с виду, когда Лесник начал снимать ее с артефакта, она рвалась под пальцами, темные липкие жгуты тянулись от «Вспышки», лопались с тихим треском.

Лесник снял шкуру и бросил в кружку, куда налил спирта из фляги. Спирт забурлил, запузырился. Сталкер щипцами достал шкуру – она уже рвалась под собственным весом, – другой рукой взяв скальпель, на коленях подобрался к «Ночной звезде» и вдруг полоснул ее. Настька чуть не вскрикнула. «Ночная звезда» ответила вспышкой света, сталкер несколько раз быстро провел по ней скальпелем, пробивая зеркальную поверхность. Наружу полезла красная пузырящаяся масса, похожая на залитые кровью внутренности. Настька сжала кулаки так, что костяшки побелели, к горлу подступила тошнота.

Бросив скальпель, сталкер накрыл артефакт тем, во что превратилась шкурка, щипцами перекатил «Звезду» с бока на бок, обматывая. Зашипело, запахло карбидом – Настька помнила этот запах, мальчишки из интерната любили бросать карбид в лужи, чтобы тот пузырился и пенился. Тряпица под артефактом начала темнеть, пошел дымок, Настька ощутила тепло. Лесник схватил клещи со щипцами, поднял «Звезду» и бросил в железную миску.

И только теперь девушка увидела, что «Вспышка» превратилась в темный ссохшийся комок, морщинистый, жалкий... она вновь прикусила губу, забыв, что та болит. Артефакт будто умер! Как если бы из него высосали всю жизненную силу и... и, вдруг поняла она, передали ее «Ночной звезде»!

– Дядя Василь! – позвала девушка. – Лесник! Что ты сейчас сделал?

Сталкер задумчиво произнес, не поднимая глаз:

– Усилил действие «Ночной звезды». Раз так в сто.

– А... а какое у нее действие?

Он посмотрел на спутницу, сухо усмехнулся, надел рукавицу и взял артефакт из миски. «Ночная звезда» уже остыла, шкурка тушканчика намертво прилипла к ней. Лесник покачал «Звезду» на ладони и протянул Настьке.

– Возьми.

Она округлила глаза, тонкий нос ее будто еще больше заострился от любопытства.

– А оно... – замороженно прошептала девушка, подставляя ладони, – а это не опасно?

– Куда руки суешь, – одернул Лесник. – Рукавом хоть прикрой кожу. Так, теперь прими это.

Он дал ей таблетку, которую вытряхнул из мешочка. Очень осторожно перекатывая артефакт на ладони, девушка проглотила ее. Сталкер покопался в рюкзаке и достал кожаную сумочку на шнурке, расправил горловину.

– Внутрь клади. Теперь на шею надень.

– А это не опасно? – вновь спросила она.

– После моей обработки радиоактивность уменьшилась, а я тебе еще таблетку дал. Все, идем уже. Темнеет.

Настька подобрала рюкзак, запихнув предварительно артефакт под куртку. Когда они по широкой дуге обогнули «Электру», проламываясь сквозь подлесок, она наконец решилась спросить:

– Дядя Василь, но для чего это? Зачем ты мне эту штуку дал?

– Защищать тебя будет, – неопределенно ответил он.

– От чего защищать? Ведь ты ж меня защищаешь!

– От... Не знаю. Предчувствие у меня какое-то нехорошее. Всё, закрой рот.

День угас, в небе уже стоял тонкий серп молодого месяца. Вскоре они вышли из леса. Неширокую балку с холмиком посередине заливал лунный свет. На холме виднелись два старых дома в окружении покосившихся оград.

– Здесь заночуем, – сказал Лесник. – Где-то тут «Жарка» должна быть...

Настька, уже собравшаяся было сесть прямо в траву, встревоженно закрутила головой.

– Где?

Тощий хвост волос хлопнул ее по плечам. Лесник неторопливо осмотрелся.

– Ночью не разобрать, – сказал он и кивком указал вдоль опушки. – Последний раз была возле того дуба.

Они стояли в начале невысокого спуска, отсюда были видны два склона, левый – высокий, крутой и ровный, правый пологий, весь изрезан отрогами. На дне балки в свете луны поблескивал ручей, за ним росли рощицы, дальше снова начинался лес. Долина молчала, ветер утих, листья на деревьях застыли – все застыло. Настька поежилась, глядя вверх. Крупные холодные звезды сияли в черном небе. Девушка вновь почувствовала себя школьницей на экзамене, и звезды смотрели на нее, как равнодушные экзаменаторы.

– Бр-р, – сказала она и придвинулась ближе к сталкеру. – Дядя Василь, где мы спать будем? Прямо в поле, что ли?

Лесник снял с плеча ружье, скинул рюкзак на траву. Пошарил в мешочках.

– Только не птичку! – взмолилась Настька. – Жалко их мне, слышишь? Они же маленькие совсем...

На ладони у сталкера лежали несколько крупных гаек. Широко замахиваясь, Лесник кинул по одной в разные стороны. Настька внутренне сжалась, но ничего не всколыхнулось, не вспыхнуло вокруг, не взорвалось и не гроыхнуло.

– Тут и будем, – сказал Лесник. Борода его растрепалась, на бровях осел пепел. Или это луна так светит? Настька без сил уселась на землю, опершись спиной о вещмешок, вытянула ноги.

– Жалко воробья, – грустно проговорила она.

– Нашла кого жалеть. – Лесник занялся рюкзаком.

Девушка обхватила себя за плечи и сидела, следя полусонным взглядом за сталкером. Тот действовал быстро и споро. Под деревьями собрал хворост, притащил сухую ольховину, порубил топором и разжег костерок, после чего пошел с котелком за водой к ручью. Неспешно спустился по залитому луной склону; девушка видела его совсем недолго, пока сталкер не вышел из освещаемой костром области. Все, что находилось вне круга теплого света, скрывала тьма, и она стала разглядывать звездное небо. Настьке оно очень нравилось, только вот никак не удавалось увидеть созвездия, почему-то россыпи белых точек никак не складывались во львов, медведей и гончих псов...

Толчок был резкий и сильный. Вскрикнув, Настька схватилась за грудь и повалилась на землю.

* * *

«Это – объект, и мне не жалко его», – сказал себе Рамир, вглядываясь в прицел. Костер горел на краю объектива, мешая как следует рассмотреть жертву. Сталкер поднял голову от винтовки, взял тепловизор и проверил с его помощью противоположный склон. Лесник с котелком подходил к ручью. Пора.

Он глянул в прицел. Хорошо, что их не спалила та «Жарка». Теперь объект сидел, опираясь спиной о рюкзак и глядя в небо. Всё, конец тебе. Палец на курке напрягся.

Она не объект, а девушка. Девчонка, ребенок.

«Вот черт! – подумал он. – Прекрати! Тебе нет до нее дела – убей и забудь.

– Ты что, детоубийца?

– Да, да, да! Я убийца, и мне все равно, кого убивать, детей или стариков, я хочу свалить из Зоны, не могу больше оставаться здесь!»

Он сжал зубы, с шумом втянул ноздрями воздух. Дотронулся до крестика, собрался было коснуться большим пальцем губ... И не сделал этого. Таким жестом Рамир как бы благословлял себя на лихое опасное дело и одновременно просил небеса, чтобы помогли, – но сейчас ему предстояло не что-то лихое и опасное, просто... просто подлое.

Не думая больше ни о чем, он вновь приник к прицелу – и выстрелил.

2

У снайперского комплекса «ВСС» (винторез) интегрированный глушитель, целиком накрывающий ствол от дульного среза до короткого цевья, а механические части сделаны так, чтобы при работе издавать как можно меньше шума. Лесник как раз зачерпывал воду – плеск воды заглушил звук выстрела, и без того едва слышный.

Объект боком повалился в траву.

Крякнув, Рамир отложил винтовку, снова приник к окуляру тепловизора. Объект превратился в неподвижное белесое пятно. Ничего не подозревающий бородатый зверолов поднимался от ручья – белая фигура на серо-черном фоне.

«В конце концов, я только исполнитель», – сказал себе Рамир и вновь потянулся к кресту на груди, но отдернул руку, так и не коснувшись его. Свободовцы это все затеяли, им и отвечать, а он чист перед совестью и небесами... Цыган скривился: от этой лжи стало тошно.

Надо убедиться, что дело сделано. Хотя как же оно может быть не сделано – ведь он попал точно в грудь... Что за мужик этот зверолов? Может, и его тоже уложить? Да нет, его не заказывали, а Рамир не хотел брать лишний грех на

душу. Дьявол с ним, пусть живет. Но тогда возникает вопрос – увидев, что его птичку подстрелили, пойдет ли он выяснять, кто это сделал? Рамир бы на его месте пошел...

Он начал снимать прицел с винтореза. Контрольный не помешал бы, но теперь уже не разберешь, где у объекта голова, где что. Выпрямившись, схватил тепловизор, быстро оглядел луг. Мертвый объект лежал неподвижно, Лесник подходил к костру.

Надо собирать палатку. Рамир снял крепежные крючки тента с распорочных дуг, свернул тонкое полотнище, упаковал вещи в рюкзак. Выпрямился. Наверняка бородач отправится искать стрелявшего. Пока он ходит, Рамир по краю леса обогнет балку и подойдет к девушке... то есть к объекту, не забывай – к объекту!

Которого уже нет на этом свете.

И все же – проверить необходимо, вдруг она выжила? Не может Цыган прийти к Умнику и сказать, что дело сделано, если остается хоть небольшая неопределенность. В конце концов, это вопрос репутации, нельзя ее портить.

Рамир вновь поднял тепловизор. Белая фигура зверолова наклонилась над костром, выпрямилась, приблизилась к пятну. То по-прежнему было неподвижно.

– Ай, мэ тагар, – произнес Цыган с мрачной радостью. – Да я и не мог промахнуться... Ладно, все, пора двигать.

Закинув рюкзак на плечи, он взял винтовку, повесил на шею ПДА, поднял тепловизор и шагнул в сторону ночного леса.

Из темноты на него уставились два глаза. За кустами раздалось шипение, тут же все вокруг заполнилось движущимися световыми пятнышками. Крысиный волк вывел стаю на охоту, и твари уже нашли свой ужин.

* * *

Вернувшись к костру, Лесник подвесил котелок над огнем на загнутый металлический прут, поворошил угли, подбросил дров. Настька лежала возле своего рюкзака на боку, согнувшись, прижав колени к груди.

– Спишь, что ль? – сталкер тронул ее за плечо. И увидел широко раскрытые, полные боли и слез глаза. По бледным, в красных пятнах, щекам пролегли мокрые дорожки.

– Ну опять, – недовольно сказал он. – Что теперь?

– Почему вы все хотите меня убить? – сглотнув, прошептала Настька, прижимая руки к груди.

Лесник огляделся – все было тихо. Вообще здесь относительно спокойное место. Крысы, живущие по подвалам брошенных домов, любили пошуровать в лесах в поисках пищи, но это на противоположном склоне, а сюда заходили нечасто.

– Что случилось? – Лесник присел на корточки.

Всхлипывая, она показала. Между ребер слева саднило так, что не вдохнуть. Настька едва дышала, ей показалось, что в груди у нее дырка. Девушка зажала ноющую ссадину ладонями и неподвижно лежала, всхлипывая. Под рукой все было мокрое.

Уяснив, в чем дело, Лесник вскочил было, чтобы схватить Настьку и оттащить в темноту за границу светового круга, но в последний момент сдержался. Что, если за ними наблюдают сейчас? В ПНВ, снайперский прицел или через тепловизор... Он не стал делать резких движений – все так же сидя на корточках, оглянулся исподтишка. Если и вправду следят – в любой миг из темноты может прилететь вторая пуля. С другой стороны, если до сих пор никто не попытался подстрелить сталкера, значит, охотились на девушку? Но почему ее не добились?

– Долго ты пролежала? – негромко спросил он.

– Я... ну, несколько минут, – простонала Настька. – Мне так плохо было, так плохо, все будто замерло внутри... То есть мне и сейчас очень плохо...

Продолжая незаметно оглядываться, Лесник соображал: если после точного выстрела жертва долгое время лежит неподвижно, снайпер решит, что все кончено, особенно если это уверенный в себе человек. Ведь он не знает про сборку, которая защищает цель, и даже не помыслит о том, что точное попадание снайперской спецпули в голову или грудь может не убить мгновенно... Так что, значит, снайпер ушел? Раз не стреляет еще раз? Или он теперь увидел, что девушка двигается, и догадался – что-то защищает ее? И наблюдает дальше, пытаюсь разобраться, имеет ли смысл стрелять повторно или надо применить более радикальные меры... например, гранату?

– Умираю, – сообщила Настька слабым голосом. – Истекаю кровью... – Она моргнула, две крупные слезинки скатились с мокрых ресниц на щеки.

Все существо Лесника кричало: беги, спрячься в темноте, затаись... Но он оставался сидеть у костра, хотя на первый взгляд такое поведение казалось неестественным.

– Дай гляну, – сталкер попытался поднять тонкую руку девушки, однако Настька только сильнее сжалась. – Ну, покажи! Чего я там не видел?

– Это у других, может, видел, а у меня не видел! – неожиданно зло огрызнулась она. – Пусть я лучше умру! Тогда вы все поймете...

– Да у тебя нигде нет крови! – разозлился Лесник. – Опять играешься.

– А вот и есть, есть! – Настька быстро села, отняла ладонь от груди. На куртке темнело мокрое пятно. – Вот, видишь? – для убедительности она ткнула в него пальцем. – Кто-то пытался меня убить.

– Мне надо знать, – настойчиво повторил сталкер, нависая над ней. – Хотя бы артефакт достань. Да не руками! На вот, этим возьми, – он снял с топора толстую брезентовую рукавицу. Настька, хлюпнув носом, надела ее, сунула руку в кожаную сумку и вытащила влажный грязно-бурый комок. Они уставились на остатки артефакта – девушка с опаской, Лесник с тревогой. «Ночная звезда» превратилась в истекающую слизью неопрятную губку.

– Сработала, – хмуро пояснил Лесник, убедившись, что девчонка ничего не выдумала. – Кто-то в тебя стрелял.

Настька вытерла слезы рукавом.

– Ну правильно! Ведь я же говорила, а ты не поверил...

– Поверил, – ответил сталкер и сел. Подтянул за ремень ружье, вновь исподтишка оглядываясь. За границей света было слишком темно, ничего не видно. Стараясь не делать резких движений, он взял оружие, поднялся и шагнул от костра. Взгляд рыскал из стороны в сторону.

Он уже точно решил, что убегать нет смысла – если за ними все еще следят, сразу подстрелят. Кто пытался убить девчонку? И, главное, теперь, когда стрелявший увидел, что она жива, – почему не пробует вновь? Это было бы проще простого. Наверное, все же решил, что сделал дело, и ушел?

Настька улеглась обратно, свернувшись калачиком. Ей было больно и обидно. Расстегнув куртку, заглянула под рубашку – нет, крови нет, только ссадина и синяк темнеет.

Лесник тем временем занимался костром, все более убеждаясь в том, что неизвестный стрелок убрался восвояси. Дерево потрескивало; ольха почти не давала дыма, это хорошо, но она быстро сгорала, все время приходилось подбрасывать новые ветки.

Вскоре аппетитно запахла гречка с тушенкой, и у Настьки забурчало в желудке. Она подняла голову.

Сталкер сидел возле костра, подняв руку, по которой прыгали три синицы и воробей, стараясь подобраться поближе к лежащим на ладони крошкам и крупе. С ножки каждой птицы свисала леска.

– Ой! – воскликнула девушка, сразу забыв о своих обидах и ранах. Осторожно, чтобы не спугнуть птиц, она перевернулась на другой бок, чтобы лучше видеть. – Сколько у тебя их, дядя Василь?

– Все тут, – вполголоса ответил Лесник. Вертявые синицы оттерли воробья, сталкер взял его и посадил на ладонь. Птица глянула на Настьку одним глазом, клюнула крошку и упрыгала сталкеру на плечо.

– А можно мне потрогать? – девушка заглянула Леснику в глаза.

– Потрогай, если не боишься.

Настька, сдержав возмущенное фырканье, придвинулась ближе и медленно протянула руку. Птицы отреагировали на удивление спокойно, не разлетелись. Девушка погладила сидевшую на колене у Лесника синичку по спинке. Та встопорщила перья и закрутилась на месте. Настька хихикнула.

– Птички, – вздохнула она. – И звери всякие... Очень я их люблю.

Сталкер искоса поглядел на девушку, которая села у его ног, подтянув колени к груди, и зачарованно рассматривала пичуг.

– Обычно в Зоне их боятся, – негромко заметил Лесник. Он стал по очереди брать поевших птиц и класть в мешочки на пояс.

– Им там удобно? – встревожилась Настька.

– Нормально, – пожал плечами Лесник. – Бобловка твоя в центре Могильника, так?

– Ага. – Девушка отвернулась к костру. – Хотя я не знаю точно. Что такое Могильник?

– Это то, куда мы идем. – Подняв голову, он прислушался, как бы невзначай положив руку на двустволку. – И теперь вопрос: почему одной из самых сильных группировок Зоны понадобилось, чтобы какая-то никому не известная барышня из городского интерната попала туда?

– Там, под Бобловкой, были подземелья, – сказала Настька.

– Знаю. Их называют Крепостью. А почему – неизвестно. И что такое эта Крепость, тоже никто не знает. Могильник опасен, а Крепость считается еще опасней. – Лесник помолчал, ему было непривычно говорить помногу. – Что ты про все это знаешь? – наконец заключил он.

Настька развела руками.

– Ничего. Честное слово, дядя Василь! Я только ходила там по Крепости...

Она смолкла, будто сама удивилась своим словам. Сталкер глядел на нее.

– Ходила по Крепости?

Девушка кивнула, закусив губу.

– И почему ты до сих пор жива?

– Мне Борг помогал! Я много раз там бывала, он мне всякое показывал в тех подземельях... ну, в Крепости этой под Бобловкой. Туда никто, кроме меня, спуститься не мог, а я могла, потому что Борг мне говорил, куда свернуть, чтоб не заблудиться, защищал, двери передо мной открывал...

– Кто такой Борг? – перебил он.

– Не знаю.

– Врешь.

– Дядя Василь, он невидимый! – горячо зашептала Настька. – Я клянусь! Я теперь плохо помню, давно ведь, но... Он там... ну, прямо в воздухе как бы живет, его слышно – но не видно. Хотя он способен всякие предметы двигать, переставлять, даже из оружия может стрелять. Но его нет – нет тела! Он добрый был, любил меня. Может, Борг... это душа чья-то, сталкера какого-то, который в Крепости погиб?

Настька положила подбородок на колени, обхватила ноги.

– Борг добрый, – заключила она. – Он мой друг.

На ее лице плясали отсветы пламени, щеки покраснелись от жара. Каша исходила ароматным паром, из котелка доносилось тихое бульканье воды.

Лесник покачал головой и сказал:

– «Долг» хочет, чтобы ты попала в Бобловку. Зачем? Теперь ясно – чтобы опять спустилась в те подземелья. Но для чего им это?

– Не знаю я. Хотя они сказали...

Сталкер поднялся, вскинув ружье.

– Ложись за мной и не высовывайся, – резко произнес он.

Испуганная девушка упала на четвереньки и поползла вокруг костра. Прижав приклад к плечу, Лесник сделал шаг вперед.

С треском и шипением за их спинами, метрах в десяти ниже по склону, вспыхнула «Жарка», осветила опушку леса. Воздух вокруг аномалии потек, задрожал. Настька вскрикнула, закрыв голову руками. Лесник не успел обернуться: из темноты на него выскочила стая крыс.

* * *

Рамир попятился, опуская руку к ремню. Огромная крыса издала низкий утробный звук, припала к земле и прыгнула.

За сталкером был освещенный луг, туда выходить нельзя – заметит Лесник. По сторонам заросли, кусты и бурьян. Запутаешься, упадешь, тут-то они тебя и...

Решение пришло быстро. Развернувшись к твари левым боком, Цыган выставил руку, и зубы сомкнулись на локте, почти пропоров крепкую кожу дорогой походной куртки.

Именно на это «почти» он и рассчитывал. Правой рукой выхватив из кобуры «ТТ», рукоятку врезал крысиному волку по темечку. Хрюкнув, зверюга обмякла, повисла на локте – но зубов не разжала.

– Минжа!!! – выругался Рамир. Схватил тварь за мохнатый жесткий загривок, дернув, шагнул к рюкзаку.

Но тут на него налетели еще две крысы. Со всех сторон донеслось шуршание, в траве замелькали темные тела. Стоя окружала, одна тварь вгрызлась в ботинок, другая подпрыгнула и прокусила кожаные штаны. Зарывав, Цыган саданул ее кулаком по голове – она свалилась на землю, суча лапами. Сбросив вторую, наступил каблуком на башку, с размаху ударил носком ботинка третью, отшвырнул далеко в сторону. Сорвал крысиного волка с локтя и крепко зажал жилистую шею под мышкой. Остальные крысы разбежались по кустам и оттуда уставились на человека, поблескивая глазками.

– Тяжелый, тварюга, – процедил Рамир, вновь делая шаг к рюкзаку и суя пистолет в карман куртки. Крысы шипели, шуршали в траве. Сталкер присел. Пришедший в себя вожак захрипел, заизвивался, попытался вцепиться в бок... Опять схватив его загривок, Рамир оторвал зверя от себя, поднял двумя руками, с размаху шмякнул о землю. Рванул клапан бокового отделения рюкзака, с мясом выдрал «молнию».

Крысы сходились со всех сторон, шелестя кустами и травой, в темноте поблескивали глаза. Вожак вскочил, зашипел и прыгнул. Цыган, так ничего не успев достать из рюкзака, врезал ему кулаком по морде. Тварь извернулась в воздухе, будто кошка, и упала на все четыре лапы, но сразу повалилась на бок, оглушенная. Сталкер рывком подтянул к себе рюкзак за лямку и сунул пальцы в боковое отделение. Сразу три крысы прыгнули на него с разных сторон. Рамир, отмахиваясь одной рукой, другой достал решетчатый железный ящик с верньерами и кнопками, ладонью хлопнул по одной – на верхней крышке зажглись лампочки. Сквозь мелкие ячейки виднелась электронная начинка устройства, внутри мерцали диоды. Сталкер перевернулся на живот, вжав голову в плечи. Крыса вцепилась в воротник, другая взбиралась по ноге, третья пыталась прокусить куртку на плече. Со всех сторон грызуны бежали к нему, воздух наполнился шипением. Рамир крутанул верньер – на стеклянной панели датчика тонкая стрелка перескочила к другому краю шкалы. Он буквально вонзил палец в широкую круглую кнопку, одновременно на его спину вспрыгнул крысиный волк.

Решетчатый ящик загудел.

Он издал и другой звук – но тот был неслышен для человеческого уха.

Шипение сменилось визгом, крысы сыпанули от Рамира. Страхнув со спины последнюю, он встал на колени. Твари неслись прочь широкой темной лентой, позади бежал крысиный волк, негромко и угрожающе похрипывая, будто ругаясь под нос.

– Вот так! – рявкнул Рамир, тяжело дыша, и прищурился, глядя вслед грызунам, прикидывая, в каком направлении они бегут. Ящик у его коленей ровно гудел, мигали лампочки. Сталкер сказал: – Так, сейчас зверолову будет плохо.

* * *

Лесник выстрелил из обоих стволов. Несколько крыс разбросало в разные стороны, но другие наступали. Настька позади него вскрикнула, когда жадно-нетерпеливая морда сунулась ей под бок. Перекатившись, она с ужасом оглянулась и увидела трех крупных грызунов, которые казались черными в свете костра. Глазки их блестели злобно и угрожающе. Что делать?! Она вскочила на колени, разевая рот в безмолвном крике. В голове помутилось, воздуха не хватало – такого панического страха девушка не испытывала еще ни разу. Сердце провалилось куда-то в желудок, к горлу подступила тошнота. Впереди громыхнуло – сталкер пальнул по стае. Всхлипнув, Настька подалась вбок и услышала приглушенное писком бульканье. Крысы бросились на нее. Тонко заскулив, она схватила за края полный кипящей каши котелок, сорвала с прута и перевернула на тварей.

Дикий визг огласил ночь. Вереща, грызуны рванулись в разные стороны, пузырящаяся каша сползала с их боков. Одна тварь залетела в костер, рванулась вбок, взорвав угли фонтаном искр, унеслась в ночь.

– Встань между костром и «Жаркой»! – гаркнул Лесник над самым ухом девушки. Икая от пережитого ужаса, Настька поднялась на дрожащих ногах, шагнула за костер, дую на обожженные руки.

Сталкер перезарядил ружье, выстрелил, потом еще раз. В десятке метров от них раскаленный воздух светился, будто уличный фонарь. «Жарка» была небольшая и не слишком сильно раскаляла воздух, но крысы все равно опасались приближаться к костру с той стороны, и это пока что помогало Леснику держать их на расстоянии.

Он стоял перед костром, а Настька за ним. Здесь было очень жарко, горячий воздух валил с двух сторон, от костра и от аномалии. Девушка взмокла, лицо покраснелось, со лба по щекам тек пот.

Когда заряд дробы отбросил в траву крупного грызуна, остальные стали разбегаться, опасливо повизгивая, и Лесник уже решил было, что справился, – но тут из темноты вынырнул крысиный волк. Он сразу прыгнул, не успевший перезарядить ружье сталкер отшатнулся, и это послужило сигналом для остальных.

Лесник нырнул вбок, перехватив оружие за ствол, прикладом смел сразу трех крыс. На него набросились с разных сторон, перед глазами возникла морда вожака, пылающие злобой глазки и рваная рана на низком лбу.

Настька выхватила из костра головню и стала размахивать ею. На лодыжке сталкера сомкнулись челюсти, он крутанулся, разбрасывая тварей. Вожак вцепился в плечо. Сжимая стволы ружья левой рукой, Лесник правой отодрал его от себя. Тварь извивалась, яростно пища, рвалась к горлу. Лесник отбросил ее. Руки были покусаны, по пальцам текла кровь, штаны в дырах, из левой икры выгрызен клочок мяса.

Он терял силы, удары стали слабее. Отступившие было крысы вновь набросились на него, одна запрыгнула на плечо и прокусила ухо. Лесник замычал, мотнул головой – крыса свалилась, оставив на куртке длинные царапины. Правое плечо уже онемело, руку скрутила судорога.

Тыча горячей головней в морды и увертываясь от крыс, Настька незаметно для себя вышла из безопасной зоны. Волосы ее растрепались, длинный локон прилип к мокрой щеке, по лицу тек пот. На скуле темнела царапина, подбородок был в саже.

– Назад!! – крикнул Лесник. Крысиный волк вновь прыгнул на него. Выпустив ружье, сталкер перехватил тварь за голову. Вдавил большие пальцы в глазницы, крикнув от натуги, сжал – и черепная кость треснула. Вожак пискнул, Лесник размахнулся и со всей силы швырнул волосатую тушу в сторону темного леса. Хоровой визг огласил склон, и крысы серой волной потекли за вожаком, взволнованно пища.

Лесник упал. Настька подбежала к нему, присела, вонзив конец горячей головы в землю, потрясла сталкера за плечо. Шипение и писк грызунов стихали – они уходили в глубь леса. Лесник застонал, корчась от боли, процедил сквозь зубы:

– Не трожь...

– Что с вами?! – сдерживая слезы, крикнула Настька, отдернув руку. – Дядя Василь, что... Ой, кто это?!!

Раньше она не видела таких тварей и не знала, что мутант, бесшумно взобравшийся к ним по склону, называется псевдоплотью.

* * *

Плоть появилась очень кстати.

Рамир был уверен, что птички попались в клетку. Он помнил, что вечером заметил струящийся дрожащий воздух на другом склоне – там была «Жарка», и позже костер зверолова загорелся неподалеку от нее. Цыган сначала пошел за крысами, гоня их вперед при помощи сконструированного Бородой устройства, а потом решетчатый ящик начал искрить, внутри него что-то зажужжало, пошел сизый дымок – и он вырубился. Тогда сталкер остановился и трижды выстрелил из винтовки. Этого оказалось достаточно, чтобы «Жарка» сработала.

С одной стороны аномалия, отступить некуда, с другой – стая голодных крыс – прекрасная ловушка, из которой никто не выберется. Уж объект-то они точно загрызут, если девчонка еще жива!

Но все пошло не так, как он рассчитывал. Во-первых, девушка и вправду была жива. Во-вторых, она оказалась хоть и пугливой – Цыган расслышал ее крики, – но бойкой. Схватила голову и стала отбиваться, он увидел, как искрящиеся дуги прочерчивают воздух. Да и зверолов схитрил, запихнув подопечную в «печку» между костром и аномалией, куда не отваживались забегать крысы.

Так что плоть была весьма, весьма кстати.

Она, судя по всему, охотилась на крыс и топала в отдалении за стаей. Теперь плоть напала на Рамира.

Мутант был небольшой, раза в два меньше взрослых особей этого вида – молодой, наверное. Цыган подпустил плоть поближе, стараясь двигаться осторожно и тихо, направился к выходу из леса. И когда, жадно хрюкая, псевдоплоть кинулась на него, он в последний момент шагнул в сторону и сильным ударом ноги отправил ее в сторону костра. Перевернувшись в воздухе, плоть вскочила на ноги. Девушка завизжала, старый зверолов поднял голову. Кажется, крысы здорово потрепали его, защищаться вряд ли может. Плоть хоть и некрупная, но явно голодная, а потому смелая. Наклонив голову, тварь бросилась в бой.

Рамир встал из-за кустов, поднял пистолет и прицелился в девушку.

Корчившийся на земле Лесник вдруг привстал на одно колено и ударом огромного кулака отбросил псевдоплоть. Рамир негромко выругался – широкая спина зверолова скрыла от него объект. Плоть упала и сразу вскочила. Лесник что-то прокричал девушке. Она встала ногами на его колено, вцепилась в шею, он рывком выпрямился – и подкинул ее.

Объект оттолкнулся, прыгнул, растопыбив руки, куда-то в темноту.

Цыган открыл огонь – но, кажется, не попал.

Оказывается, ниже по склону была еще и карусель. Она захватила девушку, мотнула круг – и швырнула дальше во мрак. Рамир услышал быстро затихающий вопль.

Плоть повалила зверолова, скрыв его, спина твари изогнулась, хищно клацнула клешня. Ноги Лесника задергались.

– Один выбыл, – сказал Рамир без улыбки, не убирая оружие. – Идем искать объект...

Он поправил рюкзак, посмотрел на детектор аномалий и побежал по широкой дуге в обход костра. Ночка выдалась беспокойная.

* * *

«Карусель» мотнула Настьку так, что она ненадолго потеряла сознание. Открыв глаза, девушка схватилась за ветки, тонкие гибкие сучья закачались под ней. Она висела в кроне березы метрах в трех над землей. Очень медленно и осторожно приподняв голову, Настька осмотрелась.

Неподалеку стояли два заброшенных дома, и она вспомнила, что уже видела их со склона, до того как стемнело. Значит, она примерно на середине Лысой балки? Цепляясь за ветки, девушка начала спускаться.

Береза росла во дворе того дома, что стоял ближе к вершине, крыша второго виднелась почти под ногами, ниже по склону. Луна ярко освещала двор и фасад, покосившееся крыльцо без перил, проломленные ступени, дырявый козырек.

А Лесник? Когда «Карусель» прокрутила ее мимо костра, Настька видела, как плоть во второй раз накинута на сталкера. Еще услышала выстрелы, и ей показалось, что дальше, на краю зарослей, мелькнули вспышки, на мгновение озарив высокий широкоплечий силуэт. Значит, сталкера загрыз мутант, а какой-то маньяк продолжает охотиться за нею. Надо прятаться! Только где?

Дуя на обожженные котелком ладони, девушка подошла к дому, кое-как взобралась на скрипучее крыльцо. Доски под ногами шатались.

В доме было темнее, тусклый свет едва пробивался сквозь окошко в стене напротив входа. Она разглядела отверстие в полу и другое – в потолке над ним. Рядом была приставная лестница.

Настька шагнула к темной квадратной дыре, увидела освещенную луной верхнюю ступеньку лестницы, но не успела поставить на нее ногу. Внизу раздался шорох и громкий писк. По лестнице застучали маленькие лапки.

Девушка с воплем отскочила, ударилась плечом о приставную лестницу, вцепилась в нее и полезла. Из подвала повалили крысы, живым ковром устилая пол. Они поднимали длинные морды, шевелили усами и щелкали зубами.

Лестница была трухлявая, влажная, изъеденная древоточцем. Когда Настька схватилась за дощатый настил чердака, перекаладина под ней с треском сломалась. Девушка качнулась, неловко пнула лестницу – та переломилась и медленно опрокинулась вбок. Крысы запищали.

Она повисла, болтая ногами. Твари сновали вниз, прыгали, одна исхитрилась вцепиться в ботинок. Настька потрясла ногой, крыса шлепнулась на пол. Тогда девушка подтянулась, легла животом на скользкие от плесени доски и вползла на чердак.

Тут было не очень темно, сквозь круглое слуховое окно без стекла лился лунный свет. Пригнувшись, Настька прошла по чердаку, присела на корточки, отдыхая. Сквозь окно задувал ветер, было холодно. Бежать отсюда некуда, разве что на крышу... а потом куда? Что же это происходит? Ведь совсем недавно она была в своем интернате, где ей тоже не нравилось, но где все было так знакомо, привычно, а теперь... Она на чердаке заброшенной избы, посреди какой-то Лысой балки, в Зоне, только что погиб ее проводник, внизу крысы, в округе бродят голодные мутанты... кошмар! Как ее угораздило попасть в такую переделку? И ведь никто не поможет, никто и не знает, что она здесь, она теперь умрет, погибнет – не от крысиных зубов, так в челюстях какого-то зверя покрупнее, не загрызенная мутантом – так от голода... Или от рук того маньяка, что охотится за нею и стреляет из зарослей!

Вспомнив о нем, Настька задрожала. Вернулась к люку, посмотрела вниз. Крысы сновали по полу, скребли стены, тяжело подпрыгивали. Настька уселась, обхватив колени и положив на них подбородок. Что теперь? Умирать здесь от голода?

Глаза были полны слез. Почему ее все обижают? С самого детства! Никто не любит, дети дразнятся, взрослые норовят отвесить затрещину... И в интернате постоянно то воды в постель нальют, то соли в чай насыпят, то кнопку на стул подложат. Сколько она помнила, только Борг был к ней добр – но ведь и он непонятно что такое, вернее, кто такой! Лесник этот тоже мрачный... правда, потом спас ее и сам погиб. Настька всхлипнула. Ну выбралась она оттуда, а дальше что? Ее опять обложили крысы, и маньяк бродит в темноте!

Вытерев лицо рукавом, она поднялась. Слезами себе не поможешь, это она давно поняла. Обидчиков нужно таскать за волосы и пинать под коленки – неприятностей от этого будет не меньше, но хоть не так обидно. Подойдя к

окну, Настька выглянула, покрутила головой, ничего подозрительного не заметив, осторожно вылезла на крышу. Тут был открытый ящик вроде скворечника, защищающий отверстие от дождя и снега. Настька села на него, вновь осмотрелась. Возле дома росло дерево, в темноте не разобрать какое, во всяком случае, не береза – ее ствол белел дальше, у забора. А на это дерево можно перебраться, главное – не поскользнуться на крыше.

По шиферному скату она поползла вверх, к коньку.

Черная гибкая тень прыгнула на дерево с земли, и Настька замерла. Следом сиганула вторая, третья... А первая с неприятным скрежещающим мяуканьем перелетела на скат и уставилась на девушку злыми глазами, которые светились зеленым. Девушка тихо ойкнула и задом сползла обратно на скворечник. Над коньком показались сразу три головы с острыми ушами. Это были кошки. А кошки Зоны – не дружелюбные домашние зверьки, поняла она. Стая таких тварей, наверное, еще опаснее крыс.

Настька скользнула обратно в окошко, выпрямившись на дощатом полу чердака, вытащила из кобуры пистолет. Тогда, сражаясь с крысами у костра, она с перепугу забыла о нем. Это и к лучшему – крысы мелкие, насакивали со всех сторон, она бы все равно промахивалась, а так хоть патроны остались. Сколько их там в магазине? Девушка не знала, но собиралась использовать все до последнего.

Круглая усатая морда сунулась в окно. Вытянув руки, Настька выстрелила. Отдача ударила в ладони, она покачнулась, но устояла. Кошка, издав какой-то металлический скрежет, исчезла, на ее месте показалась другая. Настька опять нажала на спусковой крючок.

* * *

Старый зверолов больше не шевелился, плоть приникла к трупу и смачно выгрызала горло, бока ее плотоядно подрагивали. Рамир обошел место, где в темноте пряталась «Карусель», и стал спускаться по склону.

Далеко идти не пришлось: выстрелы раздались, когда сталкер приближался к двум заброшенным избам. Он остановился, потом, пригибаясь, перебежал к

забору. Значит, объект все еще жив и у него есть пистолет. Или это кто-то другой палит в темноте, кто-то, все это время прятаящийся посреди Лысой балки?

«Да нет, вряд ли, – подумал Рамир, поворачивая за угол первого дома. – Я бы заметил, это она, то есть он- объект...»

На его глазах кошка, сунувшаяся в чердачное окно большой избы, отлетела с воплем, свалилась на землю там, где в лунном свете виднелись три кошачьих трупа.

«Сколько патронов осталось? – подумал Цыган, отходя к забору и прячась за ним. Прислонившись к замшелым доскам, сталкер стал загибать пальцы: – Звук такой, будто стреляют из «ТТ». Значит, еще два... – Он прислушался. – О, кончились. Отлично. Осталось подождать, когда девушку растерзают дикие кошки.

Никакую не девушку – объект.

Нет, именно девушку. Девчонку, почти ребенка.

Контролер тебя побери! – Он выпрямился. – Отвратительная смерть! Лучше я сам ее застрелю», – решил Рамир и сунул пистолет в кобуру. Передвинув со спины на бок «G-36», пошел ко второму дому.

Пылающая комета прочертила небосклон и упала на крышу, распугав кошек. Черные тени прыснули во все стороны, канули в ночи. На скате, под чердачным окном, расцвел огненный цветок.

Обескураженный Рамир вновь присел, увидев скрюченный силуэт, который кинул еще одну горящую головню, наверняка облитую бензином или спиртом. С гудением вращаясь, она влетела в дверной проем. С крыльца посыпались верещащие крысы. Цыган пошарил на груди, сжал крест в кулак. Ему показалось – черт, нет, сам дьявол вышел из ночного мрака и мечет в избу адские шары! Но это был всего лишь старый зверолов... Не иначе нечисть воскресила его!

– Тьфу! – Рамир сплюнул, отпустил крестик. – Ну и ночь, каро андэ муй!

Он выпрямился во весь рост, подняв оружие. Силуэт Лесника уже исчез. И был не горбатым, как поначалу привиделось Рамиру, – зверолов нес сразу два рюкзака. И где теперь этот чертов старик с беспокойным объектом?!

Ярко-рыжие языки пламени вылетали из окна, лизали наличники. Дом трещал, но пока держался – влажное дерево сопротивлялось огню. Однако видно было, что осталось ему недолго.

Ругаясь сквозь зубы, Рамир перепрыгнул забор и бросился к горящей постройке. Она должна выбраться! Если объект сгорит заживо... попробуй докажи потом, что он и вправду мертв. Умник скажет: а вдруг жертва как-то сбежала, пока ты ее не видел?

Через несколько секунд он понял, что так оно и есть, – обогнув дом, разглядел в отблесках пламени двух хромающих людей, которые бежали к лесу.

– Все равно убью вас! – вконец разъярился Рамир. Он перепрыгнул через кошачьи трупы и помчался следом. В спешке плохо упакованный рюкзак тяжело подпрыгивал на спине, бил чем-то угловатым между лопаток, «G-36» на левом плече и винторез на правом тоже мешали.

Цыган уже взбирался по склону, оскальзываясь на влажной траве. Беглецов он едва различал в темноте далеко впереди. Несколько раз Рамир стрелял почти наугад и в конце концов решил поберечь патроны.

Черные силуэты мелькнули на вершине оврага – и пропали в лесу. Рамир прибавил ходу. Еще немного... а склон круче, чем казалось в бинокль. Запыхавшись, он вылетел на опушку и вломился в лес, словно кабан, не разбирая дороги. Услышав треск сучьев, побежал на звук. Их двое, старик и ребенок, оба ранены, я их достану!

Он вроде нагонял – но никак не мог догнать. Рамир бежал, ломая кусты, то и дело смахивая с лица паутину. На пути стали попадаться ямы и упавшие деревья, пришлось двигаться осторожней. Он взмок, рюкзак оттягивал плечи, поясница болела, детектор аномалий, болтаясь на шнурке и колотясь о ребра, отбил грудь. Поначалу сталкер придерживал его, но вскоре понял, что куда важнее отводить руками ветви, хлещущие по лицу, а иначе можно лишиться глаза.

Лесник петлял – разгоряченный погоней Рамир понял это не сразу. Когда он уже устал и бежал, экономя дыхание, то заметил, что луна маячит над кронами слева, а не впереди, как раньше; и позже, следуя за треском веток, понял, что теперь она почти сзади... Зверолов запутывает следы? Обходит аномалии? Нет, что-то не так. Цыган остановился, оперся о дерево. Глубоко вдохнув, затаил дыхание и прислушался. В боку кололо. Да, вот они – уходят на юго-восток... Рамир вскинул автомат и дал длинную очередь на звук. Треск ветвей, глухой стук, опять треск, шелест... Они по-прежнему бежали.

Сталкер опять бросился в погоню. Собравшись с силами, сделал рывок. Он вламывался в молодой осинник, перепрыгивал ямы и поваленные деревья, огибал дубы. То хлюпала вода под подошвами, то нога уходила в мох по лодыжку или носок ботинка цеплялся за невидимый в темноте корень. Дважды Рамир летел головой вперед, первый раз успел выставить руки, а потом распорол щеку о пенек. Злой, взмокший, сталкер упорно преследовал беглецов. Он молодой и здоровый, как лось, они выдохнутся раньше, Рамир это знал.

Писк детектора он расслышал слишком поздно. В лицо взметнулся ворох листьев и иголок, сучок едва не выбил глаз. Земля подпрыгнула и ударила по носу, Цыган вскрикнул.

Спасло то, что в падении он успел сгруппироваться и упал на плечо. «Трамплин» с силой отбросил сталкера вбок, прямо на ствол поваленного дуба. От удара перехватило дух, в голове помутилось. С трудом преодолевая тошноту и головокружение, он на четвереньках отполз подальше от аномалии. Только когда кровавая пелена заволочла глаза, Рамир остановился, уткнувшись лбом в холодный шершавый ствол, вдыхая колкий запах павшей листвы. Скинул с себя оружие, потом рюкзак.

– Ничто никогда не идет по плану, – пробормотал он и повалился на землю.

* * *

– Я... больше не могу... – выдохнула Настька, спотыкаясь.

Лесник схватил ее за руку и потащил дальше. Он тяжело дышал, держался левой рукой за грудь и заметно прихрамывал, но не сбавлял шага. Рюкзаки на

спине подпрыгивали, ударялись друг о друга.

Они бежали уже долго, Настька никогда столько не бегала. Девушка вдыхала разинутым ртом, гортань пересохла и горела, ноги отяжелели. Опускаясь, пятка каждый раз больно стучалась о подошву ботинка – но воспоминание о выстрелах в спину гнало вперед.

Только когда сзади раздался характерный хлопок «Трамплина» и сдавленный возглас, Лесник остановился, позволяя девушке немного отдышаться.

Лежа под агонизирующей псевдоплотью, грудь которой он распорол ножом, Лесник слышал шаги, но из-за судороги не мог посмотреть, кто это. Бандит, мародер, позарившийся на чужой хабар? Почему тогда незнакомец пробежал мимо? Любой сталкер, любой военный или гражданский, забредший сюда, подошел бы посмотреть, что происходит. Только тот, кто знал, что случилось, мог пройти, не проверив даже, мертв ли лежащий под мутантом человек. Незнакомец решил, что плоть задрала Лесника – ведь тот дергался из-за приступа, это вполне можно было принять за предсмертные судороги, – и сразу же побежал дальше. Значит, целью его был не Лесник. Охотились за Настькой.

– Идем, – сказал он. – Нельзя тут стоять.

– Не бежим? – робко уточнила девушка. Сталкер качнул головой и пошел дальше. Волосы Настьки были всклокочены, лицо красное, лоб блестел от пота, маленькие капельки собрались над верхней губой. Она вытерла пот и пошла следом.

– Пока у меня приступ не начался, – добавил Лесник.

Они ломились сквозь чащу, девушка то и дело спотыкалась, но не отставала. Вскоре выбрались на едва заметную звериную тропу и в конце концов увидели впереди вросшую в землю неприметную бревенчатую избу. Деревья плотно обступили ее со всех сторон, крышу почти скрыли сломанные ветром сухие ветки, под стенами лежали горы листьев.

– Здесь один мой приятель живет. – Лесник толкнул добротную сколоченную дверь, пригнув голову, переступил порог.

– Какой приятель? – спросила Настька опасливо. Она вполне допускала, что в приятелях у бородатого охотника может ходить какой-нибудь дремучий лесной мутант.

– Сейчас, кажется, нет его, позже познакомишься.

Он достал из кармана спички, чиркнул. На тумбочке возле двери стояла мятая алюминиевая кружка, из нее торчала свеча, сталкер зажег ее. В слабом свете девушка разглядела тесную комнату.

– Заходи уже, – позвал он, скидывая рюкзаки. Настька несмело последовала за ним. Лесник запер дверь на здоровенный засов, добрел, шатаясь, до лавки и повалился на нее. Девушка шагнула к нему.

– Дядя Василь, ты чего? – она потрясла его за плечо. Лицо сталкера побледнело, он тяжело дышал.

– Сядь, не маячь, – Лесник слабо махнул рукой. – Это скоро пройдет.

Настька присела перед лавкой на корточки.

– Здесь заночуем, – произнес сталкер и медленно сел. – Он нас потерял в лесу. Ты знаешь, кто охотится за тобой и почему?

– Нет. И почему за мной? Наверное, за тобой, дядя Василь?

– Нет, ему нужна ты. И потому давай рассказывай – зачем тебе в Крепость?

* * *

Рамир сел, прислонившись к дереву, ощупал голову. Все стихло, в лесу было темно, лунный свет едва проникал сквозь кроны.

– Убежали, – пробормотал Рамир, криво улыбаясь. – Я упустил их.

«G-36» лежал на земле в паре метров от него, дальше валялась винтовка. Как бы от удара в оружии не повредилось что-нибудь, надо проверить и заново пристрелять. И детектор аномалий где-то в траве остался... Цыган сполз на землю, закинул руки за голову и посмотрел на звезды сквозь просветы в листве. Луна высеребрила концы ветвей, верхушки деревьев окутала призрачная дымка. Месяц уже садился, с востока наплывало тусклое сияние – ночь заканчивалась. Рамир пролежал долго, ни о чем не думая, просто наблюдая за приходом дня, отдыхая. В широко раскрытых глазах отражалась паутина ветвей и клочки светлеющего неба между ними.

Наконец он приподнялся, опираясь на локоть, потер веки, помассировал лицо.

– Небеса не хотят ее смерти, – сказал Рамир и сел. Потянулся, разминая затекшие мышцы, вдохнул холодный утренний воздух, похлопал по груди там, где висел крест. – Так тому и быть, кто я такой, чтобы противиться их воле? Возвращаюсь. – Он повернулся, чтобы взять рюкзак, и уперся взглядом в длинную кабанью морду. Маленькие глазки буравили его настороженно и неприветливо.

Как это тварь сумела неслышно подобраться так близко? Рамир медленно отодвинулся, потянулся к пистолету. Кабан глухо хрюкнул, лысая кожа на лбу сложилась складками. Сталкер успел выстрелить только раз – тварь взрыла копытами землю и бросилась на него. Пуля скользнула по черепу, оставив полосу разорванной шкуры, ушла вбок.

Прыгнув за дерево, Рамир выпустил в бок кабана оставшиеся полмагазина. Зверь захрипел, тормозя всеми ногами, развернулся и вновь наставил клыки на человека. На ребрах его пузырилась кровь. Быстро перезарядив пистолет, Цыган искоса оглядел светлеющий лес, выискивая характерное искажение воздуха. Кабан рванулся к нему – морда со сплюсненным черным пятком дышала тупой бездумной яростью, горячее дыхание со свистом вырывалось из ноздрей. Нырнув за другое дерево, сталкер начал стрелять. Земля тряслась под ударами копыт, мутант пер, как танк, череп у него был словно из чугуна, пули почти не причиняли вреда. Рамир едва успел отскочить, а кабан врезался в ствол.

Дерево накренилось от удара, затрещало, во все стороны полетела кора. Зверь отлетел, бока его ходили ходуном, из пасти капала слюна. Он упал. Рамир пошел вокруг мутанта, не опуская пистолет. Его «G-36» лежал возле рюкзака немного в стороне. Пошатываясь, зверь поднялся и мутным взглядом следил за человеком.

Рыкнув, наклонил голову, повернулся.

С трудом удерживаясь, чтобы не побежать, Рамир пятился от него. Главное – не сделать лишнего шага... По спине ползли капли холодного пота. Он целился в кабана, но не стрелял. Этому что в лоб, что по лбу, только патроны переводить...

Кабан в третий раз бросился на него. Кровь капала с волосатого бока, на прошлогодней листве оставались красные пятна, из-под копыт летели комья земли.

Рамир пригнулся и замер. Кабан неся, как пушечный снаряд.

Сталкер прыгнул вбок, перекатился и снова прыгнул, теперь вперед. Вскочил – и побежал между деревьями.

Кабан промчался мимо, едва не задев его, и на скорости угодил в «Трамплин».

Хлопок, свист воздуха... Огромную косматую тушу сначала вжало в землю, а после отшвырнуло в кусты.

Цыган рванулся в ту сторону, где лежали рюкзак и рядом – винтовка с автоматом. Мутант заворочался в кустах, круша ветки, попытался встать, упал, снова приподнялся. Грузная башка качнулась, налитые кровью глаза уставились на фигуру, выросшую над ним.

– Не люблю кабанов, – сказал Рамир и вогнал в его морду полмагазина из «G-36».

Кабан затих, бока перестали вздыматься. Тяжело дышащий сталкер отошел от зверя, поднял лицо к небу. Ноздри его раздувались, он с шумом втягивал воздух и медленно выдыхал. Короткая схватка с огромным хозяином леса всколыхнула в душе новые чувства – решимость, упрямство, уверенность в себе. Убитый кабан – это знак, послание свыше, которое Рамир не мог проигнорировать.

День разгорался, тени бледнели. Пошарив под деревом, он нашел чудом уцелевший детектор аномалий, надел на шею. Заправил ворот рубахи под куртку, перекинул через плечо рюкзак, взял в левую руку чехол с винторезом. Повернулся из стороны в сторону, прикидывая, в каком направлении ушли

беглецы, и сказал:

– Ладно, еще повоюем.

Глава 3

Между Свалкой и Темной долиной

1

Настька села на лавке, поджав ноги, зевнула.

– Дядя Валера сказал, что ты отведешь меня к Боргу. Это мой друг. Когда я была маленькая, то играла с ним.

– В Крепости? – сипло спросил Лесник. Накатила слабость, сильно хотелось спать. Он сидел на колченогом скрипучем стуле, постукивая костяшками пальцев по столу. К плечу под курткой с помощью вымоченной в спирте тряпицы был привязан артефакт под названием «Слизь», останавливающий кровотечение.

Девушка слабо пожала плечами.

– Наша деревня стояла в таком месте... Почти никто не ходил за околицу. Там было страшно.

– Конечно, не ходил, – пробормотал сталкер. – Она ж посреди Могильника.

– Да я ведь до сих пор не знаю толком, что это за Могильник такой. Помню только, что из деревни нельзя было выходить, вокруг туман и в нем всякое... непонятное. Опасное. Еще подземелья помню, которые вы все Крепостью зовете, да Борга, и всё.

– Ну так что в тех подземельях? – спросил Лесник, глядя на нее. – Что скрыто под этой вашей Бобловкой, куда ты ходила в детстве?

Настька развела руками.

– Там было много-много дверей... и, ну, будто коридоры-улицы. Целые улицы подземные. По крайней мере, тогда мне казалось, что они очень большие. Все такое... – девушка помолчала, подбирая слово, – заброшенное. Я плохо помню, мне тогда было... шесть или семь? Сначала, когда я только первый раз попала, – чуть не погибла. Там... – Настька сморщила лицо, напряженно вспоминая, – жутко было. Что-то на меня бросилось... Наверное, то, что убивало всех других людей, которые спускались туда.

– Призраки, – сказал Лесник, и она вздрогнула.

– Кто? Почему призраки?

Он пожал широкими плечами.

– Так их называют. Говорят: в подземной Крепости посреди Могильника живут призраки. Не просто мутанты, что-то другое.

Настька слушала, расширив глаза.

– Ну, дальше что? – спросил сталкер.

– А что дальше... Из села туда больше никто не ходил, в Крепость эту. А у меня ни папки, ни мамки не было, старики за мной следили, но на самом деле я им безразлична была, потому и бегала туда. Сначала чуть не погибла, но появился Борг и спас меня. Не помню как. Сначала он ко мне строго относился, хотел прогнать. Но потом передумал. И мы с ним играли.

Лесник перешел к стоящей под другой стеной лавке, лег. Ему было плохо.

– Так, сначала давай. Как капитан «Долга» вышел на тебя? Откуда они тебя забрали? Ты же в интернате училась? Где?

– В Киеве я жила, – откликнулась Настька и вздохнула так горько, как умеют вздыхать только обиженные дети. – Они меня не любили, дразнили двухголовой, а учителя все время говорили, что у меня голова радиацией поврежденная. Вот Борг никогда меня не обзывал, – добавила она.

Поморщившись, сталкер приподнялся на локте, тусклым взглядом обвел избушку. В углу стояла передвижная чугунная печурка, под стеной широкая застеленная кровать и шкаф с треснувшей дверцей. Простыни небось отсырели...

– Дальше что? – спросил он, с усилием поднимаясь.

– Марья Николаевна к директору ходила, потом меня вызвала, сказала, родственники, сказала, из деревни... и так посмотрела... ну, типа я совсем отсталая. – Настька прикусила губу.

– Ну? – Лесник пошарил на полке, нашел спички, разжег печку. Из-под простого дощатого стола сталкер вытащил ведро, наполнил водой чайник на печурке и поставил греться. Дохромал до дверей, вытащил из рюкзака пакет с едой, бухнул на стол батон, кусок сыра в фольге, подтаявшее масло в стеклянной банке, ложку и нож.

Девушка быстро смахнула слезу.

– Ну, она и говорит: вот дядя Валера, помнишь? Я говорю: не помню. А он говорит: а деда Пахома помнишь? Я говорю: помню, его забудешь. А дед Пахом вроде следопыта был, из лесу приносил всякие штуки странные, которые иногда взрывались. Или просто кусались... – Настька поежилась. – Дед Пахом ничего не боялся. Его потом не нашли, когда нас уводили. К нам отряд военных сталкеров большой пришел, всех собрали посреди деревни и повели оттуда. Через Могильник еле прошли, многие погибли от всяких странностей. Помню, туман был очень... – Настька пошевелила пальцами в воздухе, – очень злой. И еще всякое. Из военных сталкеров тоже многие погибли. Довели нас до Периметра, на базу какую-то, там кругом солдаты. И оттуда меня уже в интернат. Но деда Пахома не было с нами и еще кое-кого – наверное, они спрятались и в деревне остались, не захотели уходить.

– Это я уже понял, ты по делу говори, – перебил Лесник. – Что этот дядя Валера говорил, когда за тобой пришел?

– Ну, сказал, что меня в деревню вызывают. Что они уже договорились, и меня отпустят на пару недель. Я спрашивать не стала, чего там, а Марья Николаевна говорит: пусть девочка навестит родственников, у вас там все такие больные... – Настька хлюпнула носом, но слезы сдержала. – Дура! А потом, когда мы уже в их машине ехали, дядя Валера спросил, хочу ли я увидеть старых друзей. Я думала, о ком он? У меня в деревне и не было друзей. Короче, это он дурачком прикинулся.

Лесник снял закипевший чайник с печки, бросил в кипяток горсть заварки, нарезал хлеб и сыр.

– Ешь давай, – сказал он. Настька пересела за стол, Лесник протянул ей банку с маслом, нож. – Намазывай.

И стал разливать чай по алюминиевым кружкам. Девушка осторожно взяла тяжелый сталкеровский нож, покачала на руке. Пожав плечами, зачерпнула подтаявшую массу толстым лезвием и стала развозить ее по щедрым ломтям хлеба. Лесник тем временем кинул в чай три кусочка сахара, которые вытащил из кармана.

– Дальше чего? – спросил он.

– А мне сахар?

– Детям не положено, – хмуро ответил сталкер.

Настька надула губы.

– Ну и ладно, – сказала она, отодвигая хлеб и масло. – Сам ешь. Ты злой, ты мне не нравишься.

Она потянула на себя горячую кружку, подула сверху на парящую густо-коричневую жидкость, ложкой зачерпнула немного и, опять подув, с хлюпаньем втянула чай в себя.

– Рассказывай, – повторил Лесник.

– Чего дальше, ничего, – обиженно проронила она. – Все равно в интернате не нравилось мне. Я и решила, раз так, съезжу с ними. Главное, я Борга очень сильно увидеть хочу!

– Значит, коридоры-улицы под землей? – уточнил Лесник, задумчиво жуя. Настька кивнула. – Ну так а Борг этот твой – он кто?

– Да не знаю я! Надоело уже, что вы все спрашиваете? Он невидимый! Он – чья-то душа!

Лесник ничего не сказал. Молча доел бутерброд, вытер пальцы о штаны, единым махом выпил полкружки чаю.

– Кому про эти коридоры и Борга рассказывала?

– Только дяде Валере. – Когда сталкер отвернулся к рюкзаку, Настька тихонько потащила к себе кусочек сахара, лежащий на столе. Лесник заметил это, но ничего не сказал.

– Одни вы были в это время? – Он вытащил из рюкзака карту.

Девушка пожала плечами.

– Ну, мы были одни на заднем сиденье. А спереди водитель сидел и этот, как его... другой, в общем. С автоматом.

Коротко вздохнув, Лесник кивнул и расправил карту.

– Не сильно ты мне помогла, – сказал он, сворачивая ее так, чтобы был виден определенный квадрат. – Что у нас... В центре Могильника вроде ока смерча – вокруг аномальная буря постоянная, из-за этого там опасно, но в центре, где Бобловка стоит, тихо. Только до Бобловки далеко пока. Чтобы попасть к Могильнику, надо пройти здесь. Узкое место, обходить будет долго.

Настька всмотрелась в зеленые пятна, черточки и точки на бумаге.

– Что такое Могильник? – тихо спросила она.

Лесник сердито посмотрел на нее.

– Захоронение такое. Как радиоактивные отходы закапывают, так в Могильнике всякую аномальную рухлядь хоронили. Когда-то и технику закапывали, там же и кладбище, где похоронены жертвы второй аварии, ликвидаторы...

Настька поежилась.

– И что? – спросила она.

– А то, что аномальная энергия под землей бродит, как закваска, и наружу выходит гейзерами. Ее там гораздо больше, чем в других местах, поэтому творится такое, чего больше нигде в округе нет. Самое гиблое место Зоны.

Девушка завела глаза к потолку, вспоминая.

– Да, там и вправду очень странно было, – согласилась она. – Если из села выйдешь, ну за грибами там или ягодами, то иногда идешь – и вдруг раз, а тебя вверх ногами перевернуло, и ты идешь дальше, только как будто по потолку невидимой комнаты. А еще... – вдруг она выпрямилась и уставилась на сталкера. – Кто-то хочет меня убить из-за того, что я туда иду? Из-за того, что я в детстве с Боргом была знакома? Но кто?

– Вот и мне интересно. – Лесник встал. – Завтра буду думать, что с ним делать, кто бы он ни был. Чую, не отстанет от тебя. Вот свалилась работка на голову... Ладно, спать давай. Надо отдохнуть и дальше скорей двигаться.

Настька, сжав кулаки, упрямо смотрела на него.

– Но я никому ничего плохого не сделала! За что меня хотят убить?!

– Я бы поставил вопрос не «За что?», а «Зачем?», так вернее будет.

– Тогда зачем?

Лесник пожал плечами.

– Из твоего рассказа непонятно. Но как-то это связано с Крепостью и Боргом. Может, через тебя до него хотят добраться? Завтра попробуешь вспомнить еще.

Поникнув, девушка выбралась из-за стола, вяло покопалась в своем рюкзаке, вытащила зубную щетку.

– Где тут туалет? – тусклым голосом спросила она.

– На улице. Тебе туда сейчас нельзя.

– А как же... – Настька покраснела и шмыгнула носом.

– Вон ведро в углу, – показал Лесник. Девушка проследила взглядом за его рукой, распахнула глаза. – Я отвернусь. – Погасив лампу, Лесник наклонился над вещами, стал вытаскивать спальник. За окном небо на востоке светлело.

* * *

Обычно лагерь «Свободы» охранялись слабее баз группировки «Долг», но в этот раз Цыган засек пост охраны еще на дальних подступах. Он удивился, увидев двух бойцов в камуфляже, залегших в кроне приземистого дуба с винтовками, – только природная осмотрительность и большой опыт передвижения по Зоне помогли обнаружить их. Тем более что свободовцы поступили грамотно, устроив пост неподалеку от аномалии под названием «воронка». Тихо шипящий конус, над которым вращались листья, трава и мелкие веточки, отвлекал внимание от людей в ветвях.

По широкой дуге Рамир обогнул пост. Почему они вдруг стали так осторожничать – ожидают нападения? Но кто станет атаковать лагерь «Свободы»? Разве что военные – хотя какой им смысл переться сюда с Кордона? Или «Долг»... Ага! Рамир кивнул сам себе, бесшумно пробираясь между деревьев. Точно, у хиппи началась конфронтация с долговцами. Может ли это быть связано с его заданием?

Он миновал еще один пост, гордый собой – никому не засечь Цыгана, если тот не хочет! – и очутился возле ограждения из колючей проволоки, натянутой между деревьями и кольями. За ним Рамир насчитал около десятка военных палаток и три больших пневмомодуля защитного цвета.

В центре лагеря горел костер, там тощий кашевар колдовал над большим котлом. Рядом под навесом двое свободовцев, перекидываясь шутками, кромсали буханки хлеба и вскрывали тушенку. За палатками несколько человек снимали защитные тенты с грузовиков.

Его наконец заметили. Какой-то человек повернулся к гостю, подняв оружие, прозвучал отрывистый приказ, из ближайшей палатки выскочили двое...

– Спокойно, парни! – громко произнес Рамир, приподнимая прикладом провисшую проволоку и ныряя под нее. – Умник сказал, что он здесь. Я – Цыган, Умник меня ждет.

Знакомый сталкер вышел навстречу Рамиру из высокой палатки с красным крестом, озабоченно спуская закатанный рукав. Плечо его было перевязано, от бинта несло спиртом. Кисти запачканы кровью, на шее под расстегнутым воротом свежая царапина, смазанная йодом.

– Вы едва успели, Рамир. Что за спешка? Хорошие новости? Выполнили задание? Мы уже собираемся. Перебазируемся в квадрат... в общем, переезжаем. Так что у вас?

– А ты чего в крови, приятель? – Цыган достал сигару и прикурил.

– Вчера делали вылазку, в полутора километрах к северу зомби заняли старый блокпост, может, помните, по дороге к...

– Ладно, понятно, – оборвал Рамир. – У вас должен быть склад или нечто вроде него. Я меняю тактику.

Быстро оглянувшись, Умник вытащил носовой платок, вытер загорелую плешь. На лбу его выступила испарина.

– Не болтайте, – велел он. – Пойдемте ко мне, там обсудим...

– Я сказал, некогда. – Рамир глубоко затянулся, затушил сигару и припрятал в нагрудный карман. – Веди меня на ваш склад.

– Но посторонних запрещено...

Цыган, криво улыбнувшись, неторопливо сграбастал невысокого худосочного свободовца за воротник, подтянул к себе.

– Веди на склад, быстро! – прошипел он.

Давненько никто не оказывался настолько близко от него. Умник хрипло вдохнул, разинул рот. Лицо его позеленело, и свободовец судорожно оттолкнул нависшего над ним Рамира. Мотнул головой, с лица слетели капельки пота. Остаться возле сталкера стоило ему немалых усилий.

– Вы забываетесь, – хрипло проронил он.

– Веди! – повторил Цыган угрожающе.

– Ладно. – Умник оправил куртку, быстро огляделся. Суета в лагере отодвинулась куда-то, как обычно случалось в любом месте, где появлялся Рамир. Он излучал угрозу, он внушал страх и отвращение, и это никак не вязалось с его внешностью или повадками. Цыган вел себя, как все сталкеры, но антихаризма его была слишком сильной, ни один человек не выдерживал эту ауру.

– Только быстро.

Группировка завтракала. Рамир кинул завистливый взгляд на исходящие паром миски на столах под тентом, но решил с этим повременить, сейчас имелись дела поважнее.

Умник обошел заросли лопухов и остановился возле землянки, кивнул сидевшему под кустом в обнимку с автоматом свободовцу. Тот при приближении Рамира невольно встал и отступил на пару шагов.

– Это со мной, Клещ.

– Так это ж чужой, Умник, ты че? – на худом лице Клеща отразилась недоумение.

– Этот человек выполняет для нас одно задание. – Свободовец спустился по вырезанным в земле ступенькам, щелкнул выключателем, и внутри загорелась свисающая на шнуре голая лампочка.

– Разрешение бы от капитана... – протянул Клещ, делая еще шаг назад, не в силах противиться исходящим от Рамира флюидам.

– Да хватит уже нудить! – сорвался Умник. Близость Цыгана, рядом с которым он находился почти пять минут, невыносимо тяготила его. – Говорят, свой! Иди отсюда! Завтракать... Потом доложишь, если хочешь.

Хмыкнув, Рамир спустился вслед за провожатым. Сорокаваттная лампочка освещала деревянные нары, на которых рядами лежали боеприпасы.

– Склад последним грузим, – пояснил Умник, отходя в дальний конец. – Ну, чего надо? В чем проблема? Я так понимаю, вы их не остановили? Почему? Вы взяли «ВСС», вас знают как хорошего стрелка... Что-то случилось?

Рамир пробежался взглядом по полкам.

– Зверолов, – бросил он. – Живучий, сволочь.

– А конкретнее? Вы имейте в виду – время не терпит. Если они дойдут до Крепости...

– Не дойдут, – перебил Цыган, изучая стеллажи. – Мне был знак свыше. «КПМ» есть?

– Ну, в принципе, где-то лежали кассеты с «ПФМ-1С», должна и машинка найтись. – Нагнувшись, Умник сосредоточенно осмотрел нижние полки слева. Сдвинул коробки с патронами, с натугой вытянул длинный ящик, открыл крышку. – Сколько вам может понадобиться? Боюсь, мне еще придется говорить

с капитаном на эту тему...

– Не мои проблемы, – ухмыльнулся Рамир. При виде металлического стакана КСФ, набитого противопехотными минами, у него поднялось настроение. – Давай две. И подрывную машинку.

Умник вытащил нейлоновую черную сумку.

– Возьмите, Рамир, и убирайтесь. Какого черта вы вообще в лагерь приперлись? Сбросили бы мне на ПДА список, я бы доставил куда надо... – Он протянул Цыгану сумку с «КПМ» и кивнул на выход. Рамир перекинул лямку через плечо, отодвинул свободовца и сказал:

– А теперь поглядим, что у вас тут еще интересного есть...

* * *

Лесник разбудил Настьку около полудня. Позволив лишь ополоснуть лицо, подвел к столу, где лежала карта.

– Сюда гляди. Чтобы короче к твоей деревне выйти, надо это место миновать, – сталкер показал узкую полосу земли между двумя темными пятнами. – Слева Свалка, справа Темная долина, через них тяжело и долго. Во всяком случае, с тобой, – добавил он и почесал бороду, хмуря брови. – Если тебя преследуют, они скорее попытаются перехватить нас до этого байрака или на нем, потому что потом уже местность беспокойная пойдет, да и до Могильника недалеко. Если это какой-то нанятый сталкер, без личного в тебе интересу, он так и сделает. Надо подумать, как его обдурить...

Настька откинула с лица прядь тонких ломких волос, постучала пальцем по карте:

– Почему обязательно здесь идти? Раз они нас там будут... перехватывать, – девочка сглотнула. – Зона эта ваша... прямо дикие земли, а вы, сталкеры, дикари настоящие! Человека ни за что убивать...

– Глупая ты, – сказал Лесник. – Ничего тут не понимаешь. Не чувствуешь Зону.

– Конечно, – насупилась Настька. – Зато тебя наняли меня провожать и охранять, а не ругать. Я ценный объект.

– Объект, точно. – Лесник убрал ее руку с карты. – А не человек вовсе. Я говорю, обойти Свалку дешевле будет. А в Темную долину так просто не суются. Раз ты объект, то молчи и слушай.

Настька отодвинулась, уселась, скрестив руки на груди.

– Ну и ладно. Раз я объект...

Вытащив из-за одежды «Кровь камня», сталкер запихнул ее в мешочек на поясе, отогнув ворот, осторожно потрогал опухоль, поморщился. Артефакт, как обычно, не помог.

– Что у тебя болит?

– Не твоё дело. – Он запахнул куртку, застегнул наглухо.

Из-за двери донесся слабый звук. Лесник вскочил, протянув руку к стоящей возле стола двустволке. Звук повторился – кто-то тихо скребся. Сталкер подошел к выходу, держа ружье наготове, отодвинул засов. Настька прижалась к стенке. Лесник приоткрыл дверь...

Внутри скользнуло что-то темно-рыжее. Оно прыгнуло на стол, издав недовольное громкое «Мяу!».

– Ой, кот! – радостно воскликнула Настька, вытягивая руки.

– Не трожь, укусит, – предупредил Лесник. Высунув голову, он огляделся и опять закрыл дверь. – Это Кот.

– Я вижу, что не хомяк. – Настька сграбастала серого с черными и рыжими пятнами зверя в объятия, потерлась лицом об усатую морду. На ушах у кота торчали растрепанные кисточки. – Какой классный... Это твой приятель, о котором ты вчера говорил?

– Зовут его так, – хмуро сказал Лесник. – Кот, понятно? Пусти животное.

Настька вовсю гладила Кота, а тот, замурлыкав, улегся у нее на руке, свесив лапу и подставляя шею.

– Звери чувствуют, что я им плохого не сделаю, – возбужденно пояснила Настька. Пушистая туша зверя совершенно скрыла ее тонкую руку.

– Ишь, устроился, – хмыкнул сталкер, садясь на другой конец скамьи. – Раньше никого к себе не подпускал.

– Я животных люблю, ветеринаром стать хотела. – Настька наклонилась к Коту, что-то зажурчала ему в ухо. Тот потерся мордой о ее щеку.

– Ветеринаром – дело хорошее, – сказал Лесник, ставя ружье к стене. Теперь он смотрел на Настьку с другим выражением, не так сумрачно. – И чего ж передумала?

– Да в интернате отговорили. Чего, говорят, в Киеве ветеринаром? Выбирай нормальную профессию, менеджера там или бухгалтера. А я, может, еще и обратно передумаю. В село поеду, буду зверей лечить. Интересно это очень. И они живые, теплые. Чувствуют тебя и благодарят по-своему. Я однажды...

– Ладно, хватит болтать. – Широкими ладонями Лесник расправил карту. – Пусти зверя, говорю.

– Ему со мной хорошо, – возразила Настька. Кот и вправду не торопился убегать, разлегся и поглядывал на сталкера как бы и свысока даже. – А ты ревнуешь. Наверное, и не гладил его никогда...

– Да с чего мне нежности с ним разводить? – Лесник отвернулся. Он не раз гладил Кота и чесал его за ухом. Но тот не очень шел на руки к хозяину. Хотя сталкер и подобрал его котенком и кормил с детства, а все равно отношения у них были взаимно-условные – ты мне, я тебе. А тут девчонка какая-то...

– Ладно, надо дальше думать, – сказал наконец Лесник, наливая себе холодного чаю из чайника и вытаскивая из пакета с едой вареное яйцо. – Нас засада ждет,

ТОЧНО.

* * *

За лесом Рамир увидел поросший травой склон. По левую руку раскинулась огромная Свалка – груды ржавеющего под ветром и дождем металлолома. На утреннем солнце посверкивали чудом уцелевшие осколки стекла в окнах покореженной, отказавшей и просто брошенной техники. Монбланы и эвересты железа: сейфы и холодильники, автобусы и вагоны, грузовики, легковушки, подъемные краны... Кое-где среди всего этого виднелись крыши полуразрушенных построек.

А далеко справа, за Мостом – так называли иногда этот байрак, в котором редко встречались аномалии, – купалась в тумане Темная долина.

Байрак – это маленькая низина, заросшая лиственным лесом. А Мост – потому что здесь относительно легко пройти между Свалкой и Темной долиной, минуя более опасные районы. За Мостом начиналась «глубинка» Зоны, а еще дальше к востоку лежал Могильник.

И вот теперь ему требовалось устроить здесь ловушку.

Между Свалкой и Мостом тянулся глубокий овраг. Мутанты обычно не заходили сюда, поэтому низина и считалась безопасной – насколько таковым может быть хоть какое-то место в Зоне. Темную долину от байрака ничто конкретное не отделяло, но сталкеры всегда чувствовали, где заканчивается одно и начинается другое.

Это заросшее лесом пространство в двести метров шириной ему и предстояло заминировать, а потом еще контролировать.

Он решил, что устроит засаду на другой стороне Моста, нашел там небольшой буерак, поставил палатку и принялся подвешивать на деревьях видеокамеры. Сигналы с них шли на ноутбук. Рядом со Свалкой аппаратура работала плоховато, на экране часто возникали помехи, но в целом обзор был приличный, из своего укрытия Рамир мог видеть все подходы к низине.

Солнце медленно взбиралось на небосклон. Было ясно, тихо и почти тепло – непривычная для Зоны погода. Вскоре Рамир сбросил куртку, расстегнул ворот рубахи, открыв густые волосы на груди и толстую платиновую цепочку. На мощной шее блестел пот.

Когда перевалило за полдень, все было почти готово, оставалось лишь протянуть кабель от машинки и зарядить последнюю кассету. Рамир успел даже соорудить ловушку неподалеку от аномалии, прикрепив веревку к длинному суку высокого орехового дерева и закидав петлю на другом конце листьями. Тут-то и запищала радиостанция, которую ему в последний момент всучил свободовец.

– Я занят, Умник, что такое? – раздраженно бросил Рамир, откладывая катушку с кабелем и беря микрофон на проводе. – Только коротко, да?

Из динамика донесся приглушенный голос:

– Послушайте, Рамир, все-таки хочу предупредить, что Мост – место хоженое, а дело нужно сделать тихо, без свидетелей. Да вам и самому неприятности не нужны, если кто-нибудь увидит, что вы там устраиваете. Вдруг кто придет раньше Лесника и девушки? Вы должны отдавать себе отчет...

– Минжа, за кого ты меня держишь?! – выругался Рамир. – Нашел из-за чего отрывать!

– Дело важное и должно быть сделано чисто, – бубнил свободовец. – И вообще, почему все-таки нельзя обойтись ВСС? Открытое пространство, хорошая видимость, есть где спрятаться...

– Приятель, что за ерунду ты несешь? – Рамир с нетерпением посмотрел на солнце в зените. – Пуля ее не взяла. Похоже, зверолов подсунул ей артефакт, но какой-то необычный.

– Какой артефакт может остановить пулю? – не поверил свободовец. – Не может такого быть!

Сталкер энергично кивнул, хотя собеседник не мог его видеть.

– Правильно, не может. Простая «Ночная звезда» пулю не остановит, но недавно некоторые из «Трамплинов» стали генерировать новый вид артефакта. Слышал про это? Ты такой же сталкер, как я, должен знать! Им еще названия толком не дали, говорят просто: «Ночная звездочка» – потому что они поменьше чуток. Они очень дорогие пока что. И вроде мощней обычной «Звезды», могут остановить пулю.

– Не верю, – упрямо сказал свободовец. – Знаете, какая кинетическая энергия у летящей пули? Никакой артефакт не способен ее полностью погасить.

– А может, Лесник сборку сделал, – предположил Рамир. – Спаял «Звездочку» с чем-то еще, не знаю. Короче – не убила дев... объект пуля из «ВСС». Хотя я попал, точно.

– Но с чего вы тогда взяли, что подействуют мины? Есть ведь и артефакты, снижающие повреждения от взрывов...

– Ты совсем глупый? За что тебя Умником прозвали? – Цыган зло посмотрел на станцию и, подумав, отключил ее, после чего сказал сам себе: – Мина круче пули. И потом, у меня в запасе еще пара сюрпризов...

* * *

– Что у тебя там, дядя Василь? – повторила Настька.

Лесник дернул плечом.

– Чего-чего... болячка, не видно?

– Тебя ранили?

Сталкер стал отвязывать мешочки от пояса, раскладывать на столе влажные тряпицы. Слабо пахло бензином.

– Спихватилась. Крысы меня потрепали, конечно, и плоть успела укусить, прежде чем я ей нож под мышку вогнал, в самое мягкое место... – Он покачал

головой, развязал первую тряпицу и достал «Кровь камня». Кот, как только показался артефакт, с шипением соскочил с худенькой руки Настьки и нырнул под стол. – Артефактами я раны залечивал.

– Но почему ты эту штуку на груди держал? – допытывалась Настька. – Вроде их на поясе носят?

– Много ты в этом понимаешь. – Он стал выгружать из мешочков другие артефакты.

– Но все-таки? – девушка придвинулась ближе. – Я слышала, что ты ночью стонал...

Лесник скрипнул зубами.

– Забудь об этом.

– Ага, забудь! – Настька победно вскинулась. – А если тебя прихватит по дороге и ты из-за этого не сможешь меня спасти?

Лесник лишь глянул на девушку и опять стал заниматься артефактами. На столе в ряд уже были разложены несколько штук – «Кровь камня», «Выверт», «Медуза», «Слизняк»... Большинство представляло собой спрессованные комья земли с травой, корешками, веточками и листьями. Была там и пара так называемых «Капель» – черных, потрескавшихся. Настька потянулась к спирали, усеянной маленькими, влажно блестящими жемчужинами. Лесник ударил ее по руке:

– Не трожь!

– Ну и ладно, – она надула губы и, нахохлившись, отодвинулась от стола. – Не очень-то и хотелось. Сам играйся со своими цацками.

– С артефактами не играют, – отрезал Лесник. Он достал из-за пояса рукавицы, надел и поднял со стола полупрозрачный клубок, внутри которого иногда пробегали искры. – У меня опухоль. Злокачественная. В последнее время болит все чаще... – он скривился. Повертел «Бенгальский огонь», взял «Медузу».

– Злокачественная? – прошептала Настька. – Так это ж значит...

– Ничего это не значит. Осторожно! – Лесник сердито посмотрел на девушку и вдруг вонзил один артефакт в другой, отвернув лицо. Вспыхнули молнии, остро запахло озоном. Когда сталкер разжал руки, на ладонях его лежал коричнево-бурый, слегка оплавленный комок. – Так, а теперь добавим... – он задумался, разглядывая разложенные на столе артефакты. Настька жалостливо смотрела на него.

– Сколько тебе осталось? – тихо спросила она, невольно придвигаясь.

Лесник потянулся к «Слизняку», но передумал, взялся за «Выверт».

– Я еще поживу, – с угрозой пообещал он. «Выверт» никак не хотел сближаться с бурым комком. Лесник давил на него, прижимая к сборке, между артефактами пробегали искры, а «Выверт» оставался сантиметрах в трех от нового образования.

– Кровосос тебя побери! – процедил сталкер напряженно. – Какая-то сила между ними... Вроде антигравитации этой... локальной...

Расстроенная Настька с несчастным видом наблюдала за Лесником. Упрямое лицо его покраснело, на руке вздулись вены.

– А я еще на тебя кричала, злилась... – убито проговорила девушка. – Ты уж меня прости...

– Я не собираюсь помирать, помолчи! – буркнул он, привставая и налегая на два комка. Те с громким чмоканием соединились, но ничего не произошло – ни звука, ни молнии, даже искры не проскочили. Только по столу во все стороны пополз холодок, и сборка стала бурой с синими прожилками. – Врач сказал, можно сделать операцию. Только она стоит дорого.

– Почему бы тебе не вернуться домой? Лечь в больницу, полечиться...

Лесник покрутил сборку, вытянув руку, посмотрел на нее, прищурившись.

– Чего-то тут не хватает... – пробормотал он, кладя сборку на стол. И глянул искоса на Настьку. – Что ты заладила: домой, в больницу... Я лучше здесь умру, в Зоне. Это мой дом, ясно? Мне здесь интересно, и никуда я отсюда не уйду. – Сталкер взял «Кровь камня», но, подумав, отложил. Задумчиво изучил артефакты, наклонил голову в одну сторону, в другую, словно прислушиваясь. Медленно повел рукой над ними, как будто пытаюсь определить идущее от них тепло или иное излучение. Наконец рука остановилась над «Каплей». Лесник зажал ее в кулаке, поднес к уху, послушал и пробормотал: «Рано. Как же там Химик делал?..» Положил обратно и снял с пояса свернутый кольцами длинный гибкий стебель какого-то растения.

– Что это? – прошептала Настька, заворуженно наблюдая за ним.

– Волчья лоза.

Он зубами перегрыз стебель, отделив от него кусок длиной сантиметров двадцать. Остальное повесил на пояс, а этим куском осторожно обмотал сборку, концы лозы вдавил в нее, будто в комок пластилина. Оглядел. Настька смотрела во все глаза – тонкий стебель с подсохшими листьями стал будто проводом, вернее, светодиодом, теперь по нему пробежали пятнышки бледно-зеленого света, и каждый раз соединенные артефакты чуть распухали и опадали – сборка будто дышала.

– Чудеса, – прошептала Настька. – Это как волшебство...

– Никакое не волшебство, – отрезал Лесник.

– А что же тогда?

– Законы природы, только пока неизвестные людям.

– Да какой же природы?! – возмутилась Настька. – Нигде больше на Земле такого нет, только в Зоне.

– Это законы той природы, которую люди создали здесь. Которые пока только на Зону распространяются. Всё, молчи, не мешай!

Он снова взял черную «Каплю», поднес к сборке – с негромким, словно бы довольным шипением «Капля» впилась острием в волчью лозу, и та набухла, как пиявка, насосавшаяся крови. Черная «Капля» исчезла, ком вздрогнул и вновь запульсировал.

Лесник протянул сборку Настьке, но девушка отодвинулась, помотав головой. Сборка была похожа на вынутое из чьей-то груди сердце, ей даже показалось, что она слышит ритмичный перестук – биение.

– Сунь за пазуху, – велел сталкер. – В ту сумку, которую я тебе тогда дал. Да не бойся, он тебя защитит.

Настька уставилась на то, что Лесник положил перед ней. Сборка вздувалась и опадала, и девушке было жутко даже смотреть на это, не то что взять в руки.

– Не тяни! – поторопил Лесник. Он осторожно поднял со стола «Мамины бусы» – их «жемчужины» матово поблескивали в проникающих сквозь окошко лучах солнца. День был в разгаре.

«Черное сердце» по-прежнему лежало на столе, Настька боялась к нему притронуться. Тогда сталкер поднял сборку и сунул ей под нос.

– Бери! Теперь можно голой рукой, без рукавицы. Защитит от пуль, от зверья, от радиации. Будешь почти неуязвима на некоторое время.

– А почему ты тогда и себе такую не сделаешь?

– Потому что на две у меня артефактов не хватит.

– Но оно ведь... живое? – Настька с ужасом приняла новый артефакт на вытянутые руки, стараясь держать его подальше от себя и все не решаясь сунуть в мягкую сумочку на груди.

– Вроде того, – Лесник пожал плечами. – Потому и работает.

Увидев, как девушка испуганно шагнула назад, чуть не бросив «Черное сердце» на пол, он добавил:

– Да не живое оно! Просто похоже.

– Очень похоже, – прошептала девушка, завороченно разглядывая артефакт на своих ладонях. – Дядя Василь, а ведь у тебя рак, наверное, от всех этих артефактов и аномалий начался... От их этого... аномального излучения.

– Нет! – с неожиданной злостью рявкнул сталкер, и она вздрогнула, увидев покрасневшее лицо прямо перед собой, сверкающие глаза. – Это не Зона виновата, обычная злокачественная опухоль!

– Разве? – не поверила она и отвернула ворот, чтобы спрятать «Черное сердце» в сумочку. – Но ты ведь сколько здесь пробыл, возился с этими... сборками и другим...

– Молчи! – Вскочив, Лесник взял рюкзак. – Я сказал: Зона тут ни при чем. Зона... любит меня. Здесь мое место.

Настька непонимающе покосилась на него. Что это дядю Василя так разобрало? Будто он в душе и сам подозревает о том, про что она сказала, но не хочет признавать этого и потому злится...

Кот высунул нос из-под стола, наблюдая за ними. Радиация почти не изменила кошек в Зоне, и Кот выглядел как самый обычный домашний зверь, ухоженный и упитанный, вот только размером был больше раза в полтора, если не в два, да еще эти кисточки... Только когда Кот вскочил на скамейку, заглядывая в рюкзак, Настька заметила, что и на кончике хвоста у него пушистая кисточка.

Пересилив наконец страх перед «Черным сердцем», девушка сунула его за пазуху и постояла, прислушиваясь к пульсации.

– От пуль, от зверей, от радиации... – повторила она и пошутила, неуверенно улыбнувшись: – А если этот... маньяк, который меня убить хочет, заминирует проход?

– Чего? – Лесник поднял голову. – Глупости.

– Я боюсь, – Настька поежилась.

Лесник похлопал по рюкзаку.

– Кот, отойди.

Хрипло мяукнув, тот спрыгнул, и сталкер застегнул клапан.

– Мешок бери, – он кивнул на ее вещи, закинул ружье через плечо, проверив, шагнул к столу. Настька исподтишка наблюдала за ним. Лесник излучал уверенность и угрюмую, тяжелую мощь – здоровый сильный мужик, с таким чувствуешь себя в безопасности. Но этот его рак... Он будто гниль, поселившаяся в стволе дуба.

– А Кот тут останется? – робко спросила Настька, присаживаясь на корточки и почесывая замурлыкавшего зверя. Тот потерся о ее ноги.

– Живет он здесь, – хмуро отозвался сталкер и взял со стола прибор, который минуту назад достал из рюкзака. Повертев, нажал на кнопку. – Не люблю я эти электронные штуковины, – пробормотал он. – Что у нас тут? – Лесник взглянул на загоревшийся экран и зеленую точку на нем. – Кто-то сидит за Мостом.

– Где? – вскинулась Настька.

– На нашем пути.

– А зачем он там сидит?

– Может, ждет нас. Ладно, идем, пора посмотреть на этого твоего маньяка...

* * *

Рамир закончил минирование. Оставалось самое сложное, и он не знал, как подступиться к делу. Но время поджимало, надо было спешить.

Снова запищала радиостанция – после некоторого раздумья Цыган опять ее включил.

– Рамир, а вы вообще откуда знаете, что они уже не прошли через Мост? Может, они давно за вами, а вы там торчите, ждете их...

– Лесник ранен, ему был нужен отдых, наверняка они переночевали в схроне. К тому же, – Рамир невесело улыбнулся, – я кое-что узнал про него. Зверолов не боец. У него болячка, из-за которой он сдуется через пять минут. Да и вообще не жилец. От активных движений у него могут начаться эти, как их... метастазы, он будет осторожничать.

Эта слабость противника почему-то не веселила Рамира – она как бы сближала их, ведь у Цыгана тоже был изъян, превративший его в отверженного. Ему и так с большим трудом удавалось отгонять мысли про объект охоты, а тут еще могла появиться непрощенная жалость к бородатому зверолову!

– Какого кровососа ты вообще ко мне пристаешь?! – рассердился Рамир. – Я занят, я работаю, а ты отвлекаешь!

– Послушайте, вы не должны быть так беспечны, – продолжал гнуть свое Умник. – Проверьте по ПДА местоположение Лесника, я хочу быть уверен, что вы не зря тратите время и оборудование...

– Так зачем ты меня нанимал, Умник, если не доверяешь? – Цыган выругался сквозь зубы. – Лесник не носит ПДА, его там нет, я проверял! – и в подтверждение своих слов бросил взгляд на запястье. ПДА был включен в режиме карты, и на блеклом экране, совсем недалеко, мигнула зеленая точка. – Дьявол! – ругнулся он.

– Что такое, что у вас случилось? – заволновался Умник.

– К дьяволу тебя! Он появился на карте! Они близко, а у меня не все готово! Заткнись и не мешай!

Цыган посмотрел в ноутбук на заминированное поле перед Мостом.

– Что натворила эта девка, почему «Свобода» хочет ее смерти? – Сталкер взял пистолет-пулемет, покачал в руке, примериваясь. – Хоть бы знать, за что убивать буду, все легче было бы. – Отложив оружие, он запустил обе руки в густые

волосы и дернул. – Даже не знаю за что! Зачем я в Зону ушел, что мне тут надо? Дай мири!

Рамир тоскливо глянул на ПДА, но Лесник уже исчез с экрана, видимо, отключился. А может, это и не Лесник вовсе? Отодвинув ноутбук, Цыган выбрался из палатки с брезентовой сумкой, повернулся кругом. За палаткой трава была выжжена, дальше над сухой землей кружилась пыль, выдавая присутствие аномалии. Еще и старый зверолов нервы треплет! Дьявольское отродье, исчадие Зоны...

Рамира знобило. Он вытащил из кармана новую банку энергетика, вскрыл и выдул одним махом. Сталкер давно не спал, короткую отключку после «трамплина» вряд ли можно считать отдыхом. С раздражением отбросив пустую жестянку, Цыган спустился на тропу, к тому месту, где она выходила из рощицы и начинала взбираться на выжженный склон. Тут надо быть осторожнее. На склоне между редкими кустами висели пятна пыли: несколько аномалий только и ждали потерявшего осторожность путника. Похоже, они давно не «включались», воздух там буквально дрожал от напряжения.

– Я тебя достану, – пробормотал Рамир со злостью. Он сделал еще три ловушки, проверив натяжение веревок и присыпав петли листьями, очень осторожно пополз в укрытие. Увенчанная датчиком движения и камерой палатка стояла слева от Моста, в небольшом углублении – достаточном, чтобы скрыть ее от посторонних глаз. Растущие вокруг буерака кустики подсохшего вереска шевелились на ветру, скрадывая непрерывное вращение камеры. Рамир залез в палатку, уселся по-турецки перед ноутбуком; слева лежала «ВСС», под правой рукой верный «G-36». Ждать оставалось недолго.

2

– После Моста аномалий больше становится, – говорил Лесник, широко шагая между деревьями. Привязанная лесой, впереди него летела синица. Лучи солнца пробивались сквозь кроны, желто-красная палая листва устилала землю, и густой, пряный запах осени наполнял лес. – Там открытое пространство, днем аномалии видны, над ними воздух плавится, как над костром. В лесу это почти незаметно.

– Уже знаю. – Настька шла следом, стараясь не отставать. В лесу ей доводилось бывать нечасто, и она с детским любопытством обращала внимание на все. Вот пятно подсохшего мха на вылезшем из земли большом бугристом корне, вон крупный мухомор растет под осиной – с фиолетовыми пятнами на красной шляпке и розовой бахромой по краю, там огромный ствол упавшего дерева, почти рассыпавшийся, похожий на длинный замшелый холм с темной трухлявой пещерой, в которой наверняка живет какой-нибудь мохнатый леший... Шелестела палая листва под ногами, и теплые пятна света скользили по лицу Настьки, а когда она поднимала голову, щекотали подбородок и щеки.

– Тебе главное – не попасть в аномалию. «Черное сердце» дает небольшой иммунитет от них, оно больше против пуль и ножей защищает.

– Ага. – Девушка крутила головой, осматриваясь. Солнце стояло высоко, в ясном синем небе проплывали редкие облака. Настька жмурилась от яркого света и слушала вполуха.

– Не «ага», а запоминай, что говорю, – прикрикнул сталкер. Она кивнула, слыша по интонациям голоса – на самом деле Лесник не сердится. Отношение проводника к ней изменилось, стало более дружественным.

Он продолжал:

– Поэтому, если что – беги. Беги через Мост, обходи аномалии и жди меня в каком-нибудь укрытии. К Свалке близко не подходи, там с недавних пор в это время года снорки стали появляться, какая-то миграция сезонная у них. Порвут в клочки, никакой артефакт не поможет. В Долину, то есть вправо, тоже не заворачивай. Отбеги подальше, найди дерево, залезь на него и сиди. В дома не забирайся, если увидишь, – там крысы, кошки... Ты слушаешь? – Лесник обернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhakov_lev/ohotniki-na-mutantov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)